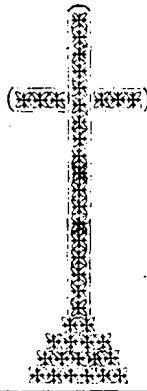

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ
XXXVI-ѣ

Астраханскія Епархіяльныя Вѣдомости выходятъ 2 раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чисель въ размѣрѣ 3 печатныхъ листовъ.

ГОДЪ
XXXVI-ѣ

Подписка принимается въ редакціи Астраханскихъ Епархіяльных Вѣдомостей въ духовномъ училищѣ. Подписная цѣна 6 руб. Печатанію объявленій по особому соглашенію.

1 Марта

№ 5-й.

1910 года

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1) Перемѣны по службѣ.

Опредѣлены: а) на священническую вакансію въ село Караванное, Астраханскаго уѣзда, состоящій на псаломщической вакансіи при Покровской церкви гор. Астрахани, діаконъ Павелъ Кронидовъ, 23 февраля.

б) исправляющима должность столоначальника Астраханской Духовной Консисторіи, канцелярскій чиновникъ оной, коллежскій регистраторъ Маркъ Смоктій, 16 февраля.

Перемѣщены: а) согласно прошенію, священникъ Крестовоздвиженской церкви гор. Астрахани Николай Галикарнасовъ на псаломщическую вакансію къ кафедральному собору, и къ Крестовоздвиженской церкви гор. Астрахани на вторую священническую вакансію состоящій на псаломщической вакансіи при

каедральномъ соборѣ священникъ **Василій Смирновъ**, 19 февраля.

б) на *псаломщическія вакансіи* одинъ на мѣсто другого, согласно прошенію, состоящій на псаломщической вакансіи при Христорожественской церкви гор. Астрахани діаконъ **Николай Севастьяновъ** и псаломщикъ с. Началова, Астраханскаго уѣзда, **Іоаннъ Жиряковъ**, 23 февраля.

Принять съ духовное званіе и утверждены въ должности *штатнаго* псаломщика с. Терновой-Балки, Царевского уѣзда, **Лавръ Майбоговъ**, 23 февраля.

Утверждены въ должностяхъ: а) *штатнаго псаломщика* станицы Николаевской, Царевского уѣзда, и д. псаломщика той же станицы **Викторянъ Богородицкій**, 16 февраля.

б) *церковныхъ староста:* станицы Атаманской, Астраханскаго уѣзда, казакъ **Михаилъ Орловъ**, 12 февраля; слободы Николаевской, Царевского уѣзда, Спасо-Преображенской церкви мѣщанинъ **Василій Пономаревъ**, 12 февраля; села Садоваго, Черныярскаго уѣзда, крестьянинъ **Іванъ Толочко**, 12 февраля; села Пологаго-Займища, Царевского уѣзда, крестьянинъ **Николай Островерховъ**, 12 февраля.

Уволенъ отъ должности столоначальника Астраханской Духовной Консисторіи, коллежскій секретарь **Константинъ Недорѣзовъ**, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, съ оставленіемъ въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ Консисторіи, 16 февраля.

Объявлено Архипастырское благословеніе Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго **Георгія**, Епископа Астраханскаго и Евотаевскаго, 19 февраля: *Обществу* казаковъ Красноярскаго станицы за пожертвованіе на построеніе колокольни ко храму пос. Черемуха и на приобрѣтеніе колокола, всего 3000 рублей, и бывшему Атаману уряднику **Ільѣ Ерымовскому**, располагавшему казаковъ къ пожертвованіямъ на благоукрашеніе храма.

---

2) Праздныя мѣста.

Наименованіе мѣсть	По штату положено			Доухъ для подпожащаго лица.	Жалованье		Земли для причта		Прихожанъ православи. обоюго пола	Раскольн.к. обоюго пола	Расстояние отъ порезъ отъ Губер. гор.
	Свщц.	Діак.	Псал.		Казен.	Общ.	Пахат.	Сѣнок.			
Священническія.											
Пос. Элтонъ, Царев. у. . .	1	—	1	Цер.	300 р	—	99 д.	30 д.	183	—	400
С. Болхунъ-Сала, Чер. уѣз.	1	—	1	Общ	300 р	300 р	99 д.		1035	—	300
Сл. Капустинкѣ, Цар. у. Троицкой церкви . . .	2	1	2	Цер	150	—	—	сѣн. земля для двухъ причт.	4954	—	320
Діаконскія.											
С. Чапурникахъ, Черн. уѣз.	1	1	1	Общ.	150 р.	—	49	1/2 Д.	2052	359	375
С. Плодовитомъ, Черн. у	1	1	1	Общ.	—	42 р.	96	пах. и сѣн. Д.	2829	—	392
С. Свѣтломъ-Яру, Чер у.	1	1	1	Общ.	—	—	8 д.	пах. и сѣн. —	3824	175	363
С. Марѣинѣ, Красн уѣз.	2	1	2	Цер.	—	—	295 д	2200 саж. не удоб.	3742	—	70
Псаломщическія.											
С. Маковъ, Астрах. уѣз. .	1	—	1	Цер.	100 р	—	—	33 д.	1102	—	60
С. Чулпанъ, Астрах уѣз.	1	—	1	Общ	—	75 р.	—	—	1329	6	60

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ

Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій.

(По поводу празднованія 200-лѣтія со дня кончины святителя Ростовскаго Димитрія).

(Окончаніе; см. № 4-й).

1 марта 1702 года, въ недѣлю вторую Великаго поста, святитель Димитрій прибылъ въ Ростовъ на свою кафедру. Паства во множествѣ встрѣтила своего архипастыря. Святитель Димитрій прежде всего постѣтилъ бывшій на пути Спасо-Яковлевскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Іакова, епископа Ростовскаго ²²⁾). Тамъ въ храмѣ Зачатія св. Анны, онъ по нѣкоему свыше бывшему ему откровенію указалъ будущее мѣсто своего погребенія, сказавъ бывшимъ тогда съ нимъ: «се покой мой; здѣ вселюся въ вѣкъ вѣка». Совершивъ первую Божественную литургію въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, онъ произнесъ привѣтственное слово паствѣ. Въ немъ онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «пріидохъ къ вамъ съ любовію.... пріидохъ къ вамъ не да послужите ми, но да послужу вамъ; пріидохъ не себѣ угождати, но комуждо васъ во благое къ созиданію:.... долженъ есмь вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, добрыя любити, злыя же съ милваніемъ наказывати, о всѣхъ пользѣхъ пецися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися».

Архипастырская дѣятельность святителя Димитрія въ Ростовѣ была очень непродолжительна (6 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ), но весьма благодѣтельна для епархіи и во многихъ отношеніяхъ замѣчательна. Очувшись впервые въ непосредственной близости съ народнымъ бытомъ

²²⁾ Спасо-Яковлевскій-Димитріевъ-Зачатіевскій мужской монастырь, 1-го класса, Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, въ 1½ вер. къ югу-западу отъ кремля г. Ростова, у Московской заставы, на плоскомъ берегу Ростовскаго озера. Основанъ въ концѣ XIV в. епископомъ Ростовскимъ св. Іаковомъ (†1392 г.). При изданіи штатовъ 1764 г. монастырь этотъ сдѣланъ ставропигіальнымъ въ 2-мъ классѣ, а въ 1834 г. возведенъ на степень 1-го класса. Въ 1888 г. монастырь переданъ изъ Синодальнаго вѣдомства въ епархіальное и назначенъ для мѣстопребыванія викаріевъ Ярославскихъ. Въ соборномъ храмѣ во имя Зачатія св. Анны, существующемъ съ 1691 г., покоятся мощи; предъ сѣверными дверями алтари св. Іакова, а въ юго-западномъ углу—св. Димитрія.

Московской Руси, св. Димитрій былъ пораженъ грубостію нравовъ своей паствы. Ростовская епархія находилась въ то время въ печальномъ состояніи, въ какомъ была большая часть великорусскихъ епархій, которыя царь Петръ надѣялся усовершенствовать чрезъ научнообразованныхъ малорусскихъ архіереевъ. Невѣжество, упадокъ благочестія и нравственности были общимъ удѣломъ пасомыхъ, безъ различія сословій и состоянія. Духовенство при своемъ невѣществѣ не могло учить народъ, который легко совращался въ расколъ. Святитель Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей такъ изображаетъ положеніе дѣлъ: «Окаянное наше время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи не брегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обоихъ сторонъ худо.—Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются. Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста. Мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались, а они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались». Изъ прихожанъ, по свидѣтельству святителя, «иніи уже 10 лѣтъ, иніи 20 не причащаются. А иніи во всю жизнь свою не знаютъ, что то есть причастіе Божественныхъ Тайнъ».... «О окайнные іереи, восклицаетъ въ священномъ негодованіи святитель. Какъ могутъ радѣть о св. Церкви такіе іереи, которые даже домашнихъ своихъ ко святому причащенію не приводятъ». У такого іерея не духовныя стремленія наполняютъ жизнь, а хозяйственныя заботы. Св. Димитрій разсуждаетъ: «Что ты приведе въ чинъ священническій? Дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже! Но дабы прекормити жену, и дѣти, и домашнія. Поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса». Поражало святителя Димитрія и замѣченное имъ въ нѣкоторыхъ іереяхъ неблагоговѣнное отношеніе къ Пресвятымъ Тайнамъ Христовымъ. «Случися намъ (повѣствуетъ святитель) мимошедшаго 1702 года въ градъ Ярославль грядущимъ, внити во единой веси въ церковь, идѣже по обычномъ моленіи азъ, смиренный, хотя обычную почестъ и поклоненіе воздати Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго поша: гдѣ Пречистыя и Животворящія Христовы Тайны? попь той не уразумѣ словесе моего и яко не домышляя стояше молча. Паки рѣхъ къ нему: гдѣ тѣло Христово?

попъ же ни сего словесе можаше познати. Единъ же отъ бывшихъ со мною искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ изъесть отъ угла сосудецъ зѣло гнусный и показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь великую святыню, на нюже святіи Ангели смотрять со страхомъ. И азъ возболѣзновахъ о томъ сердцемъ по премногу, ово, яко въ такомъ непочитаніи хранится Тѣло Христово, ово же, яко ни на нарицанія честнаго, Пречистымъ Тайнамъ подобающаго, іереи вѣдаютъ. Были и другіе недостатки въ тогдашнемъ духовенствѣ Ростовской епархіи. Многіе священники, напр., торопились при служеніи, служили въ нетрезвомъ видѣ, въ алтарѣ сквернословили, совершали литургію безъ служебника и прочтенія молитвъ, только дѣлая нужные возгласы, не читали установленныхъ молитвъ предъ св. причастіемъ и т. под. Кромѣ того «нѣкіи злонравные іереи» (говоритъ св. Димитрій) «грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ изъявляютъ, обличаютъ. и въ прилучающихся между людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяны, хвастаютъ дѣтьми духовными, или въ гнѣвѣ съ укоризною поносятъ имъ...., лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо къ богатымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ, и много нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія Божественныхъ Таинъ умираютъ».

Познакомившись съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы и духовенства, святитель Димитрій ревностно принялся за исправленіе замѣченныхъ имъ недостатковъ. Съ этою цѣлію онъ часто самъ проповѣдывалъ въ храмахъ г. Ростова, гдѣ совершалъ богослуженіе. Съ тою же цѣлію онъ часто и много путешествовалъ по своей епархіи, сопровождая свои поѣздки учительнымъ словомъ и наставленіями. Наконецъ онъ писалъ необходимо нужныя сочиненія и распространялъ ихъ въ народѣ частью путемъ печати, а большею частью въ рукописяхъ. Подчиненныхъ ему священниковъ ростовскихъ святитель Димитрій, при всякомъ личномъ свиданіи съ ними, старался наставлять и вразумлять, какъ они должны были исполнять свой долгъ и совершать свое служеніе. Кромѣ того св. Димитрій имѣлъ обыкновеніе обращаться ко всѣмъ вообще священникамъ своей епархіи съ окружными посланіями, въ которыхъ онъ указывалъ имъ на замѣченные недостатки въ ихъ дѣятельности и затѣмъ давалъ соотвѣтствующія наставленія касательно исправленія этихъ недостатковъ.

Надсвятѣйшимъ способомъ для улучшенія духовенства было подготовленіе образованныхъ дѣятелей на поприщѣ пастырскаго служенія, и для этого св. Димитрій завелъ у себя въ Ростовѣ при архіерейскомъ домѣ, школу или семинарію для приготовленія кандидатовъ священства, первую школу въ Великороссіи въ этомъ родѣ и съ такимъ назначеніемъ. Школа открыта была св. Димитріемъ уже въ 1702 году, значить гораздо раньше того времени, когда послѣдовало правительственное распоряженіе о заведеніи по епархіямъ такихъ школъ. Школу эту, въ которой обучалось болѣе 200 учениковъ изъ дѣтей преимущественно священнослужительскихъ, святитель раздѣлилъ на три класса, при одномъ учителѣ въ каждомъ классѣ, и завелъ въ ней порядки, повидимому, по образцу старой кievской коллегии, въ которой учился самъ святитель Димитрій. Въ ростовской школѣ, кромѣ чтенія, письма, нѣнія и грамматики, изучались языки греческій и латинскій. Дурные ученики сидѣли въ классахъ назада. Лучшій ученикъ назывался императоръ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ, которое всякій новый императоръ занималъ съ особымъ церемоналомъ. Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ. Обращеніе учителей было мягкое, и преслѣдовалась не столько неуспѣшность, сколько лѣнь и дурное поведеніе. Ученіе и содержаніе учениковъ было бесплатное. Кормили учениковъ сытно; лѣтомъ давали вишни, яблоки, груши. Въ свободное отъ занятій время ученики гуляли въ полѣ, катались въ лодкахъ по ростовскому озеру Неро. По праздникамъ иногда произносили рѣчи, разыгрывали діалоги и духовныя драматическія произведенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., «Успенская драма» и «Грѣшникъ кающійся» написаны были самимъ святителемъ Димитріемъ. Святитель Димитрій любилъ эту школу, какъ свое родное духовное дѣтище: она составляла предметъ неуспынныхъ его заботъ. Онъ часто посѣщалъ ее, самъ спрашивалъ учениковъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами. Обращеніе его съ воспитанниками было чисто отеческое. Святитель Димитрій самъ лично трудился въ школѣ, замѣняя собою отсутствующихъ или болѣвшихъ учителей своей школы. Кромѣ того съ лучшими учениками онъ занимался толкованіемъ св. Писанія. Въ воскресные и праздничные дни всѣ ученики должны были приходиться въ соборную церковь ко всенощному бдѣнію и литургіи. Архипастырь повелѣвалъ имъ строго соблюдать не только четырехдесятницу, но и другіе посты. Во время поста самъ исповѣдывалъ и приобщалъ Св. Таинъ

своихъ учениковъ. Кончившимъ ученіе онъ давалъ мѣста при церквахъ, смотря по достоинству. Такъ образомъ въ Ростовской школѣ святителя Дмитрія царилъ духъ патріархальной, семейной простоты, который совершенно подавлялъ слѣды общаго схоластическаго строя школы. Къ сожалѣнію, Ростовская школа св. Дмитрія, воспитавшая многихъ просвѣщенныхъ кандидатовъ священства, въ 1706 году, во время пребыванія святителя въ Москвѣ и безъ его вѣдома, по приказанію стольника Воейкова, за недостаткомъ средствъ, была закрыта ²³). Но дѣло св. Дмитрія не пропало даромъ; образецъ новой школы былъ имъ данъ, и по его примѣру стали открывать подобныя школы и въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ вскорѣ правительство предписало всѣмъ архіереямъ заводить школы при своихъ кафедрахъ.

При всѣхъ спаршескихъ подвигахъ и трудахъ своихъ св. Дмитрій не забывалъ усердно трудиться надъ четвертою и вмѣстѣ послѣднею книгою Четвѣхъ-Миней (мѣсяцы іюнь, іюль, августъ), и черезъ три года своего пребыванія въ Ростовѣ святитель имѣлъ великое счастье 1705 года 9 февраля закончить свой великій и святой трудъ, на который посвятилъ онъ 20 лучшихъ лѣтъ своей жизни. Немедленно книга эта была отпрвлена въ Кіевъ, гдѣ въ сентябрѣ того же 1705 г. она была отпечатана въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Много силъ положилъ святитель Дмитрій и на борьбу съ расколомъ. Въ Ростовскомъ краѣ было много раскольниковъ. Чрезъ потаенныхъ проповѣдниковъ, разсланныхъ изъ гнѣзда раскола, Брынскихъ лѣсовъ ²⁴), расколуучители широко раскинули свои сѣти. Святитель часто объѣзжалъ спархію, и съ цѣлію обличать раскольниковъ подолгу живалъ въ Ярославлѣ, гдѣ они были особенно сильны. Возставая противъ реформъ царя Петра, раскольники своими толкованіями этихъ реформъ смущали и тѣхъ людей, кто на церковной почвѣ дотолѣ оставался въ союзѣ съ православіемъ. Такъ въ 1705 г. лѣтомъ въ одинъ воскресный день,

---

²³) Въ настоящее время, какъ бы для постояннаго напоминанія о школѣ св. Дмитрія въ Ростовѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, помѣщается духовное училище, носящее имя Дмитріевскаго. Въ комнатѣ, гдѣ святитель, по преданію, скопчался, устроена моленная. Въ нее ученики сходятся на молитву каждый день утромъ и вечеромъ.

²⁴) Раскольники скрывались въ то время въ дремучихъ Брынскихъ лѣсахъ, тянувшихся по рѣкѣ Брыни, впадающей въ Жиздру, притокъ Оки, въ Калужской губерніи; отъ этого мѣстопробыванія раскольниковъ и самый расколъ назывался иногда „Брынскою вѣрою“.

когда св. Димитрій шелъ въ Ярославлѣ отъ литургіи къ себѣ домой, какіе-то два человѣка подошли къ владыкѣ съ такимъ вопросомъ: «Владыко святыи, какъ ты велишь? Велятъ намъ по указу Государеву браны брить²⁵⁾, а мы готовы головы наши за браны наши положить». Святитель отвѣтилъ на это: «лучше вамъ не пожалѣть браны, которая и десять разъ обрѣтая отростетъ, чѣмъ потерять голову, которая, будучи отрѣчена разъ, никогда не отростетъ, развѣ во общее всѣхъ мертвыхъ воскресеніе». Въ тотъ же день въ келліи святителя собралось много лучшихъ гражданъ города, которые имѣли съ владыкою довольное разглагольствіе о бранобрѣтїи, причемъ обнаружилось, что тѣ люди, которые обрили свои браны по указу царскому, стали сомнѣваться въ своемъ спасенїи, такъ какъ, по ихъ словамъ, они послѣ бранобрѣтїи потеряли образъ Божїи. Это обстоятельство побудило св. Димитрія въ томъ же году написать и разослать по епархіи особый трактатъ подъ заглавіемъ «Разсужденіе объ образѣ Божїи и подобїи въ человѣцѣ», съ доказательствомъ о томъ, что «не въ бранѣ и зримомъ лицѣ человѣческомъ состоитъ образъ Божїи и подобїе, но въ невидимой душѣ». Вскорѣ послѣ этого трактата св. Димитрій, ближе познакомившись съ расколомъ и его пагубнымъ вліяніемъ на народъ, написалъ извѣстный свой обширный трудъ: «Розыскъ о раскольниковской Брынской вѣрѣ», раскрывшїи самый духъ раскола. По содержанію своему «Розыскъ» состоитъ изъ трехъ частей: въ первой доказывается, что «вѣра раскольниковъ не права», во второй, что «ученїе ихъ душевредно», въ третьей, что «дѣла ихъ не богоугодны». Такимъ образомъ здѣсь указаны причины появленїя раскола, различныя его развѣтвленїя, главные пункты ученїя, съ разборомъ основанїи послѣдняго, а также изображена нравственная и бытовая жизнь раскольниковъ. Вообще «Розыскъ» — лучшее полемическое произведенїе своего времени, неоднократно издававшееся и въ XIX столѣтїи. Со стороны своего тона противораскольниковскїи сочиненїя св. Димитрія хотя и отдають дань своему времени, но негодованїе святителя направляется на расколуучителей, съ одной стороны по поводу совращенїя ими простодушнаго и довѣрчиваго народа, съ другой по поводу ихъ нестерпимой хулы на св. Церковь, и на ея таинства и обряды. «Розыскъ» заканчивается кроткимъ и полнымъ любви увѣщанїемъ святителя Димитрія къ православнымъ стоять твердо и непоколебимо въ православїи.

²⁵⁾ Въ то время царь Петръ издалъ указъ, которымъ повелѣвалось брить браны.

Въ Ростовѣ же святитель Димитрій постоянно трудился надъ составленіемъ и многихъ другихъ своихъ сочиненій. „Что нибудь во славу Божию дѣлать долженствуемъ“, писалъ онъ о себѣ за годъ до смерти, „да часъ смертный не въ праздности насъ застанеть“. Такъ напр.; составлялъ онъ здѣсь, къ сожалѣнію, неконченную, замѣчательную свою „Лѣтопись“, скромно названную имъ „келейною“, т. е. писанною для себя. „Лѣтопись“, эта (доведенная только до борьбы патріарха Іакова съ ангеломъ) составлена на основаніи обширнаго изученія Библии, отцовъ и учителей церкви, византійскихъ хронистовъ и новѣйшихъ церковныхъ писателей. Главная цѣль „Лѣтописи“ была дать связное изложеніе событій библейской исторіи, хотя, впрочемъ, преобладающимъ здѣсь является элементъ не столько историческій, сколько толковательный, состоящій въ объясненіи разныхъ мѣстъ св. Библии, и особенно правоучительный. Кромѣ „Лѣтописи“ святитель Димитрій сочинилъ на разные случаи и по разнымъ требованіямъ многіе цѣлые трактаты, наставленія, размышленія и т. под., занимаясь собираніемъ историческихъ матеріаловъ о Ростовской епархіи и вообще о русской церковной исторіи, и пр. Наконецъ, въ Ростовѣ же св. Димитрій продолжалъ весьма ревностно проповѣдывать слово Божіе. Проповѣдывать началъ онъ, какъ извѣстно, очень рано, на 24 году жизни, будучи въ Малороссіи въ званіи проповѣдника и тогда уже онъ привлекалъ къ себѣ множество слушателей. Не оставлялъ онъ проповѣдничества и въ послѣдующіе годы, а во время своего архипастырства онъ безъ поученія не совершалъ почти и службы. Силѣ убѣжденнаго искренняго слова онъ придавалъ величайшее значеніе и проповѣдывалъ неустанно, производя такое впечатлѣніе на слушателей, что еще при жизни стяжалъ себѣ славу „россійскаго Златоуста“. Его проповѣди были плодомъ истиннаго вдохновенія, которымъ была исполнена его богато одаренная отъ Бога и любящая ближнихъ душа, и отличались живостію образовъ и въ особенности глубиною чувствъ. Знаніе и вѣрное изображеніе современныхъ нравовъ, примѣнительность къ понятіямъ и жизни народа и практическое направленіе, пмѣющее прямое, непосредственное отношеніе къ нравственной жизни и нравственному назиданію слушателей, составляютъ отличительныя черты проповѣдей, говоренныхъ св. Димитріемъ къ Ростовской паствѣ. Проповѣдуемая имъ истины христіанства, изливаясь прямо изъ души святителя, являлись всегда живыми и дѣйственными и увлекали слушателей просто-

тою бесѣды отца съ дѣтьми. Тонъ его рѣчи негрозный, а увѣщательный. Повсюду въ его проповѣдяхъ проглядываетъ одно стремленіе — двинути своихъ слушателей впередъ въ нравственномъ отношеніи, одно желаніе — сдѣлать людей лучше, добрѣе. Любимая тема проповѣдника — „любовь выше всего“. Онъ скорбитъ надъ современными ему язвами — отсутствіемъ между людьми любви, братства, справедливости. Настоячиво и любвеобильно онъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ къ жизни во Христѣ; онъ раскрываетъ имъ глубокое поврежденіе ихъ сердець, внушаетъ необходимость исправленія, обращенія къ Богу и указываетъ къ тому и средства ²⁶⁾.

Такъ ревностно поучая ввѣренную ему паству словомъ своимъ и мудро управляя ею, жилъ святитель Димитрій въ неподходявшемъ для его здоровья суровомъ и сыромъ климатѣ Ростова. Сюда онъ прибылъ сравнительно еще нестарымъ человѣкомъ: ему только что исполнилось тогда 50 лѣтъ отъ роду. На видъ святитель Димитрій былъ бѣлокурый, съ просѣдью, худощавый человѣкъ небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой бородкой, въ очкахъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ шерстяной рясѣ любимаго имъ темнозеленаго цвѣта. Занимаясь постоянно измлада составленіемъ Четьи-Миней, изображеніемъ жизни и дѣяній святыхъ Божіихъ, живя постоянно въ этомъ дивномъ мірѣ высочайшихъ образцевъ христіанской жизни, св. Димитрій старался всецѣло подражать имъ. Вся жизнь его сіяла чистѣйшимъ свѣтомъ вѣры христіанской. Вся дѣятельность его и его литературные труды служатъ прекраснѣйшимъ выраженіемъ глубокаго благочестиваго настроенія его чистой души. Старинное житіе св. Димитрія трогательными словами изображаетъ высокія добродѣтели его: истинно-христіанскую любовь къ ближнимъ, особенно къ больнымъ, нищимъ, сирымъ и беззащитнымъ, его воздержаніе, молитву, нестяжательность, смиреніе, трудолюбіе.

---

²⁶⁾ Въ святитель Димитрій замѣчается всестороннее развитіе его душевныхъ силъ. Онъ представляетъ собою идеальнаго пастыря-проповѣдника и администратора; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и учень мъ богословомъ, и апологетомъ, и церковнымъ историкомъ, и покровителемъ образованія, и поэтомъ духовнымъ — „дѣвницею духовною“. Сочиненія его очень многочисленны и разнообразны. По характеру своему они могутъ быть раздѣлены на поучительныя, апологетико-полемическія, историческія, богословскія, драматическія и духовно-поэтическія. Но при всемъ разнообразіи всѣ они имѣютъ одну цѣль: это — наученіе читателей и слушателей истинамъ вѣры и назиданіе въ живомъ, дѣятельномъ христіанствѣ.

Святитель Димитрій обладалъ слабымъ здоровьемъ. Строгая подвижническая жизнь, разнообразныя непрерывныя и напряженныя труды, различныя непріятности и огорченія по управленію, а также дурной климатъ Ростова,—все это, вмѣстѣ взятое, настолько разстроило здоровье святителя, что осенью 1709 г. онъ видимо уже и самъ предчувствовалъ свою кончину. Съ 26 октября (дня его тезоименитства) святителю стало особенно худо,—онъ изнемогалъ отъ сильныхъ приступовъ удушливаго кашля. Вечеромъ 27 октября, чувствуя приближеніе смерти, св. Димитрій велѣлъ позвать къ себѣ своихъ пѣвчихъ. Стоя у натопленной печки, онъ слушалъ пѣніе нѣкоторыхъ составленныхъ имъ самимъ духовныхъ пѣсней, а именно: «Исусе мой прелюбезный, Надежду мою въ Бозѣ полагаю, Ты мой Богъ, Исусе, Ты моя радость». Поблагодаривъ пѣвчихъ и отпустивъ ихъ, онъ удержалъ на время одного, самаго любимаго пѣвчаго, Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ его сочиненій. Святитель Димитрій долго бесѣдовалъ съ нимъ, причемъ рассказывалъ ему многое изъ своей жизни, говорилъ о томъ, какъ онъ любилъ всегда молитву, и прибавилъ: «И вы, дѣти, также молитесь!» Окончивъ бесѣду, святитель сказалъ: «Время и тебѣ чадо, отбыти въ домъ твой!» Благословивъ пѣвчаго, святитель поклонился ему почти до земли, благодаря за помощь въ перепискѣ ему сочиненій. Тотъ смутился и заплакалъ, а святитель еще разъ кротко повторилъ: «благодарю, ты, чадо!» Отпустивъ затѣмъ служителей по своимъ мѣстамъ, святитель Димитрій вошелъ въ особую келью для молитвы, и тамъ на слѣдующее утро 28 октября 1709 г. его нашли предавшимъ духъ свой Богу во время колѣнопреклоненной молитвы. Такъ блаженно почилъ сей великій праведникъ на 58-мъ году отъ рожденія. Погребеніе совершилъ другъ его, митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій ²⁷⁾, почтившій память усопшаго надгробнымъ словомъ и сочинившій ему надгробную надпись ²⁸⁾. Имущества послѣ него никакого не осталось, такъ какъ остатки отъ своихъ скудныхъ средствъ онъ употреблялъ на дѣла благотворительности. Обширная бібліотека его, состоявшая изъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ и славянскихъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, Стефаномъ

²⁷⁾ Стефанъ Яворскій (1658—1722), митрополитъ Рязанскій, мѣстоблюститель патриаршаго престола, былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей своего времени; извѣстенъ какъ проповѣдникъ. Съ св. Димитріемъ онъ познакомился въ 1684 году.

²⁸⁾ Слово не издано, а надгробная надпись силлабическими стихами помещается обыкновенно въ концѣ „житія“, указаннаго выше въ примѣчаніи 1-мъ.

Яворскимъ была отпрвлена въ Москву въ Патріаршую Библіотеку. Въ 1752 году были обрѣтены нетлѣнные мощи святителя Димитрія, и, по провѣркѣ чудесныхъ исцѣленій, источаемыхъ вѣрующимъ молитвою и ходатайствомъ угодника Божія, русская православная Церковь соизчислила его къ лику святыхъ. Память его празднуется 21 сентября, въ день обрѣтенія его мощей, и 28 октября, въ день преставленія. На устроенной Императрицею Елисаветою серебряной ракъ, гдѣ почиваютъ св. мощи, вырѣзана надпись, составленная М. В. Ломоносовымъ ²⁹⁾.

Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій, является однимъ изъ великихъ отцевъ и учителей нашей православной Церкви. Онъ гармонически соединилъ въ себѣ любовь къ истинному просвѣщенію съ высокою личною праведностію, самоотверженное пастырствованіе съ обширнѣйшею неутомимою литературною дѣятельностію. Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ его твореній, по своей обширности и по важности для Церкви, особенное вниманіе обращаетъ на себя его капитальный трудъ, составившій главнымъ образомъ славу святителя, его неоднократно упомянутыя выше Минеи-Четьи, называемыя иногда «малыми» Четьи-Минееми въ отличіе отъ «великихъ», составленныхъ митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ. Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго, это—собраніе сказаній о жизни и подвигахъ святыхъ людей, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ по числамъ и мѣсяцамъ всего церковнаго года. Кромѣ жизнеописанія святыхъ, въ Четьи-Минееи вошли синаксари на праздники Господскіе и Богородичныя, на празднества по случаю перенесенія св. мощей или явленія чудотворныхъ иконъ и т. под., а также поучительныя слова, содержаніе которыхъ заимствуется изъ исторіи празднества и которыя принадлежатъ или кому-либо изъ древнихъ отцевъ Церкви, или самому св. Димитрію, и наконецъ отдѣльныя историческія разсужденія при началѣ или при концѣ четверти Четьи-Миней. Кромѣ полныхъ житій святыхъ и описанія ихъ подвиговъ иногда исчисляются одни имена святыхъ съ указаніемъ на время ихъ жизни или страданія, иногда сокращенно разсказывается жизнь или страданіе святаго на основаніи пролога или другихъ памятниковъ церковныхъ. Какими источниками пользовался св. Димитрій при составленіи житій святыхъ, это показываютъ во-первыхъ, два списка «учителей, спаса-

²⁹⁾ Надпись эта помѣщена, между прочимъ, въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія (указанномъ выше въ примѣч. 1-мъ), на стран. 135—137.

телей, историковъ и повѣствователей», помѣщенные предъ первую и вторую четвертью Четьи-Миней, и во-вторыхъ, весьма частыя обозначенія источниковъ составителемъ при самыхъ жизнеописаніяхъ. Религіозное одушевленіе, съ какимъ онъ совершалъ свое великое дѣло, и глубокое убѣжденіе въ необходимости для Церкви этого труда постоянно, въ продолженіе 20 лѣтъ, поддерживали энергію св. Димитрія и, при помощи Божіей, дали ему возможность довести до желаннаго конца его святое дѣло. Современники съ любовію слѣдили за появленіемъ въ свѣтъ каждой части Четьи-Миней св. Димитрія; патріархи Всероссійскіе Іоакимъ и Адріанъ ³⁰⁾ преподавали ему за его труды свое благословеніе, а само дѣло сдѣлалось настолько близкимъ душѣ составителя, что надлежащее исполненіе его онъ считалъ главною цѣлю своей жизни. Св. Димитрій желалъ доставить благочестію чтеніе и пріятное, и душеполезное, и составилъ такое образцовое сочиненіе, на чтеніи и слушаніи котораго въ продолженіи двухъ послѣднихъ столѣтій воспитывалось и доселѣ воспитывается религіозное чувство православнаго русскаго народа. Проникнутые искреннею вѣрою и благочестіемъ, рассказы св. Димитрія о жизни и подвигахъ святыхъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ вѣрующихъ русскихъ людей. И неудивительна ихъ горячая любовь къ этому творенію св. Димитрія. Его Четьи-Миней или житія святыхъ представляютъ собою неисчерпаемое сокровище нравственнаго назиданія, утѣшенія въ скорбяхъ, вразумленія въ трудныя минуты жизни, успокоенія во дни душевнаго смущенія, и кромѣ того, отрывая отъ суеты мірской и житейскихъ мелочей, они возвышаютъ умъ и сердце къ чистымъ и святымъ идеаламъ вѣры и нравственности и представляютъ живую, убѣдительную школу того, чего именно нужно искать въ жизни, какъ нужно устроить свою земную жизнь. Житія святыхъ изобилуютъ такими дѣяніями, которыя являютъ собою образцы для подражанія во всѣхъ родахъ жизни и дѣятельности христіанина и возбуждаютъ каждаго благочестиваго читателя къ соревнованію. Если мы прибавимъ къ содержанію изумительное выполненіе, ту святость, которою запечатлѣны священные рассказы, то высокое одушевленіе, которое проникаетъ книгу отъ первой страницы до послѣдней, то мы поймемъ, почему послѣ Евангелія эта книга житій святыхъ производитъ такое сильное, нравственно-воспита-

³⁰⁾ Патріархи Іоакимъ и Адріанъ—послѣдніе патріархи Всероссійскіе: первый былъ патріархомъ въ 1674—1690 г.г., второй—въ 1690—1700 г.г.

тельное влияние на вѣрующихъ русскихъ людей. Недаромъ сохранилось преданіе, что Само Небо помогало св. Димитрію въ его трудѣ, и недаромъ современники за этотъ трудъ называли св. Димитрія «боговдохновеннымъ». Церковно-славянскій языкъ, на которомъ написаны Четьи-Минеи, признается образцовымъ по чистотѣ и изяществу. Картинное, художественное изложеніе житій святыхъ показываютъ въ составителѣ великаго мастера слова, но кромѣ того тамъ чувствуется душа глубоко-вѣрующаго человѣка, стремящагося къ нравственному совершенству и желающаго примѣромъ жизни св. угодниковъ Божіихъ увлечь къ этому совершенству и читателя. Житія святыхъ святителя Димитрія Ростовскаго—книга вѣчно живая, бессмертная, всегда полная для вѣрующаго читателя свѣжаго обаянія и донинѣ доставляющая высокое духовное утѣшеніе и высокое духовное наслажденіе множеству религіозныхъ русскихъ людей. Книга эта, которою св. Димитрій оказалъ величайшую услугу всей православной русской Церкви, доставила русскому благочестію неистощимый источникъ спасительнаго чтенія, а составителю дала такую всероссійскую извѣстность, какою никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни до св. Димитрія, ни послѣ него ³¹⁾.

³¹⁾ Минеи-Четьи св. Димитрія Ростовскаго, изложенныя славянскимъ языкомъ, въ теченіе XVIII и XIX вв. разошлись во множествѣ изданій. Въ послѣдніе годы XIX столѣтія, на ряду съ требованіями славянскихъ Четьи-Миней, въ Московскую Синодальную Типографію стали поступать заявленія о желаніи имѣть Минеи-Четьи на русскомъ языкѣ. Такъ какъ число этихъ заявленій и просьбъ все болѣе и болѣе возрастало, то въ виду сего Московская Синодальная Типографія съ разрѣшенія Св. Синода, которое воспослѣдовало въ маѣ 1909 г., приступила къ изданію Четьи-Миней или житій святыхъ на русскомъ языкѣ. Для изготовленія этого обширнаго изданія при Типографіи учреждена Комиссія изъ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ преимущественно съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Въ основу изданія положенъ полный текстъ Минеи-Четьихъ св. Димитрія Ростовскаго, но въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ указана только память святаго, свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ Пролога; кромѣ того въ это изданіе предположено внести краткія житія мѣстно-чтимыхъ русскихъ, югославянскихъ и грузинскихъ святыхъ. Текстъ изданія сопровождается разнообразными объяснительными примѣчаніями и украшается множествомъ рисунковъ изображеній святыхъ и праздниковъ. Все изданіе должно заключать въ себѣ 12 книгъ въ большую оъемную долю крупной печати. Съ 1901 г. по 28 октября 1909 г. вышли въ свѣтъ 10 книгъ Четьихъ-Миней на русскомъ языкѣ: мѣсяцы сентябрь—июнь, и одна книга дополнительная. Цѣны этихъ книгъ назначены въ бумагѣ отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 50 к. (есть экземпляры въ корешкѣ и въ коленкорѣ), а за всѣ одиннадцать книгъ цѣна въ бумагѣ 21 р. 70 к. Продаются въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ. Тамъ же имѣются въ продажѣ и Минеи-Четьи св. Димитрія Ростовскаго на славянскомъ языкѣ, церк. печати; по слѣдующимъ цѣнамъ: въ 4-хъ книгахъ въ листъ въ бум. 21 р. 10 к., въ кожѣ 30 руб.; въ 12-ти книгахъ въ 8 долю листа—въ бум. 12 р. 65 к., въ кор. 16 р. 50 к., въ кожѣ 21 р. Отдѣльные мѣсяцы: въ бум. 1 р. 20 к., въ кор. 1 р. 50 к., въ кожѣ 2 р. (См. „Церк. Вѣдом.“ 1909 г. № 40, ч. неофф., стран. 1903).

Закопчимъ настоящее чтеніе краткою церковною пѣснью, составленною въ похвалу святителю Димитрію „Звѣзду Россійскую, отъ Кіева возсіявшую и чрезъ Новгородъ Сѣверскій въ Ростовъ достигшую, всю же страну сію ученми и чудесы озарившую, ублажимъ златословеснаго учителя Димитрія, той бо всѣмъ вся написа, яже къ наставленію, да всѣхъ пріобрѣщетъ, якоже Павелъ, Христу и спасетъ правовѣрїемъ души наша“.

Н. Л.

Въ защиту церковно-славянскаго языка.

III.

Къ чему привела бы замѣна въ богослуженіи славянскаго языка русскимъ. Отмѣняетъ ли русскій языкъ переводъ славянскій подлинникъ. Превосходство славянскаго языка предъ частными языками славянскихъ народовъ. Понятенъ ли народу славянскій языкъ; данныя исторіи и современности.

Мы пришли теперь къ тому выводу, что замѣнить славянскій языкъ русскимъ въ богослуженіи—значило бы ослабить силу и выразительность, глубину и дѣйственность его вліянія на душу, ибо уже своими особенностями, отличающими его отъ обыденной нашей рѣчи, языкъ славянскій имѣетъ свойство отвлекать отъ житейскихъ тревогъ въ высшій міръ духовныхъ запросовъ. Но, чтобы видѣть, какъ ослабляется тотъ духъ искренней вѣры и непосредственнаго живого чувства, которыя выразились въ славянскомъ словѣ перевода богослужебныхъ книгъ, глубоко и простоудушно вѣровавшихъ предковъ,—въ томъ словѣ, которое отражало въ себѣ и душу переводчика, иногда отступающаго отъ текста и передающаго свое пониманіе и настроеніе, а не буквѣ подлинника,—достаточно сравнить славянскій текстъ и переводъ Библии на русскій языкъ: при всѣхъ своихъ достоинствахъ послѣдній кажется сухимъ и холоднымъ, мало говорящимъ сердцу. Сдѣлать русскій языкъ языкомъ церкви, отбросить ту форму, съ которой такъ сроднилось содержаніе, составляя въ теченіе вѣковъ одно цѣлое,—не значило ли бы это лишить силы и его содержаніе, ослабить настолько его дѣйствіе на душу, насколько *ослабѣетъ въ переводѣ* и духъ религіозный и чѣмъ меньше останется той простоты и непосредственности выраженія, которыми проникнута славянская рѣчь? Переводчики, чтобы приблизиться къ славян-

скому тексту, должны по искренности и глубинѣ своей вѣры, по своей душевной простотѣ и нетронутости своего міровоззрѣнія, приблизиться къ переводчикамъ съ греческаго на славянскій и къ тому одушевленію, которое проникало мужей, составившихъ и переводившихъ молитвы и пѣснопѣнія. Но допустимъ даже, что переводчики на русскій языкъ были бы люди глубоко религіозные, съ высокамъ настроеніемъ, все-таки переводъ религіознаго на мірской языкъ — языкъ обыденнаго употребленія не могъ бы не принизить возвышенности и силы религіозной мысли и чувства, и русская рѣчь, связанная съ житейскими интересами, не могла бы вызвать къ себѣ ни того уваженія, ни того довѣрія, какими черезъ вѣка употребленія пользуется славянское слово. Слѣдовательно русская рѣчь въ области религіозно-нравственнаго вліянія не можетъ замѣнить рѣчь славянскую, гдѣ выражены вѣра и чувства, соотвѣтствующія настроенію самыхъ переводчиковъ, хотя и не всегда искусныхъ въ переводѣ и замѣнявшихъ иногда букву подлиннаго текста свободнымъ выраженіемъ своей вѣры и своихъ чувствъ. Перевестъ священныя книги, церковныя пѣснопѣнія и все богослуженіе на русскій языкъ — значило бы умалить средства религіозно-нравственнаго воздѣйствія на народъ, *) потому что это *повело бы къ приниженію въ немъ настроенія и чувствъ*, вложенныхъ въ подлинникъ и въ славянскій переводъ.

И прежде высказывались мнѣнія, что красота и величіе славянскаго языка (если имѣть въ виду религіозную и нравственно-воспитательную цѣль) дѣлаетъ бесполезнымъ переводъ книгъ священныхъ на языкъ русскій. Въ отвѣтъ слышались замѣчанія, что это невѣжество и обскурантизмъ (намъ придется еще на этомъ обвиненіи остановиться),

*) Какое значеніе имѣеть собственное религіозное одушевленіе переводчика, видно изъ того, что тѣ отступленія и перемѣны, какія внесены позже въ переводы свв. Кирилла и Меѳодія и вообще въ тексты первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, далеко не всѣ въ пользу этихъ измѣненій. Вѣра въ нихъ, разумѣется, оставалась, но той силы вѣры и чувства уже не было; переводъ для многихъ не былъ уже подвигомъ служенія Богу: онъ сталъ уже средствомъ пропитанія. Множество примѣровъ, насколько ново-славянскій текстъ Евангелія и Псалтири ниже старо-славянскаго, сколько отступленій отъ духа и характера подлинниковъ и даже отъ существа его содержанія, — представилъ Ильминскій, въ своихъ размышленіяхъ. „О сравнительномъ достоинствѣ славянскихъ переводовъ“: уже измѣненія подъ вліяніемъ русскаго языка ставятъ новый текстъ ниже древне славянскаго. Еще дальше отходить отъ высоты и силы подлинниковъ переводъ ихъ на современный русскій языкъ.

прикровенное желаніе задерживать народъ въ невѣжествѣ. Но такъ ли? Не руководило ли, напротивъ, высокое побужденіе многими изъ тѣхъ, кто противился такому переводу, сходясь въ этихъ случаяхъ со взглядами самаго народа? что если и сами переводчики на русскій языкъ, стараясь сдѣлать его возможно лучшимъ, все таки думали, что лучше было бы, если бы его не было? Но къ ихъ возраженіямъ мало прислушивались, въ основанія и причины таковыхъ не вдумывались. Считая славянскій языкъ бесполезнымъ, они уже расположеніе къ нему признаютъ выраженіемъ умственной отсталости и средствомъ его поддерживать. Не бесполезно, поэтому, остановиться на этомъ вопросѣ. Ненужнымъ переводъ признавали не только изъ среды духовенства, но и многіе изъ свѣтскихъ православныхъ. Между послѣдними мы могли бы указать видныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей, начиная съ конца XVIII вѣка и до нашихъ дней. Какъ образецъ этихъ взглядовъ, приведемъ здѣсь мнѣніе лица, несомнѣнно знавшаго Россію и народъ. Въ его мнѣнію нельзя не прислушиваться, ибо онъ талантливый въ данномъ случаѣ выразитель цѣлаго направленія, и его слово относится къ самому недавнему времени (у меня второе изданіе его перевода Новаго Завѣта 1907 г.). Имѣемъ въ виду К. П. Побѣдоносцева. Рисуя красоты славянскаго языка — языка богослуженія и священнаго писанія и признавая ненужность перевода текстовъ богослужебныхъ и священныхъ на русскій языкъ (но считая что разъ данъ переводъ, то должно усовершенствовать его), онъ вотъ что говоритъ въ предисловіи къ своему переводу Новаго Завѣта: „Нашъ церковно-славянскій языкъ — великое сокровище нашего духа, драгоценный источникъ и вдохновитель нашей родной рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли, въ немъ отражающейся, гармонія его созвучій и построенія всей рѣчи — создаетъ красоту его, неподражаемую... И на этомъ языкѣ вдохновенные творцы его, сами воспитанные на красотѣ и силѣ эллинской рѣчи, дали намъ книги Священнаго Писанія, дали намъ Святое Евангеліе. И всякое слово этой книги, изо дня въ день читаемое въ церкви, — знакомое, родное, понятное всякому воспитанному въ церкви русскому человѣку“. И далѣе въ частности о ненужности перевода Евангелія (что примѣнимо въ известной степени и ко всѣмъ вообще славянскимъ текстамъ): «Языкъ Святаго Евангелія исполненъ такой высокой простоты, и каждое слово въ немъ и каждая рѣчь въ цѣлости своей исполнена такого священнаго

значенія и такой священной памяти, что казалось бы нѣтъ никакой надобности переводить его на нашу обыденную рѣчь, на тотъ языкъ, на которомъ сочиняются книги нашей такъ называемой литературы. Переводить на этотъ языкъ славянскую рѣчь Евангелія—значить портить ее, а перекладывать ее перефразировкою—значить обезображивать ее съ опасностью опозлать чистое и принизить возвышенное“. И дѣйствительно, вдумываясь въ этотъ вопросъ о переводѣ Новаго Завѣта и всей Библии, невольно ставишь вопросъ: да нужно ли было дѣлать его, т. е. больше ли онъ принесъ пользы, приближая текстъ къ пониманію, или вреда, ослабляя силу чувства и давая ему новый характеръ? Не лучше ли было бы, осторожно и постепенно, внести тѣ сравнительно немногія улучшенія въ конструкцію и выборъ словъ славянской рѣчи,— что было уже, какъ увидимъ, тоже давно и ясно созвано знатоками языка церкви и языка русскаго, религиозныхъ потребностей народа и свойствъ его духа, и являлось какъ ихъ искреннее убѣжденіе. Но разъ существуютъ такіе переводы и распространяются, значитъ есть въ нихъ нужда. Въ виду этого намъ остается присоединиться ко взгляду К. П. Побѣдоносцева: если есть и входятъ въ употребленіе эти переводы, то теперь уже „необходимо продолжать эти опыты, доколѣ мы не получимъ переводъ на языкѣ (въ возможно большей степени) достойномъ славянскаго подлинника, на языкѣ, который не тревожилъ бы уха знакомаго съ гармоніей церковнаго чтенія“. Но если и въ домашнемъ чтеніи русскій переводъ по своей силѣ, возвышенности и впечатлѣнію, не замѣнить славянской, то тѣмъ болѣе въ храмѣ. Если же переводами не устраняется незамѣнимое значеніе славянскаго подлинника, какъ языка церкви и домашняго чтенія, то значитъ онъ долженъ быть предметомъ и школьнаго изученія: онъ долженъ усвоиться ради большей полноты назиданія имъ и въ храмѣ и при домашнемъ чтеніи Библии и Четьи-Миней.

Приведу еще одинъ примѣръ трудности перевода, соответствующаго по достоинству славянскому подлиннику—самой употребительной и теперь въ народѣ книги. Можно ли ограничиться чтеніемъ Псалтири по-русски, отказавшись отъ славянскаго текста? Что славянской переводъ ея сдѣланъ съ греческаго, а не съ еврейскаго подлинника, это, по мнѣнію Рачинскаго, есть одно изъ достоинствъ перевода. Греческій текстъ, „возникшій на зарѣ зарождающагося христіанства, озарилъ всея чаянія,

въ трепетныхъ образахъ носившіяся предъ вѣщимъ духомъ Пророка, сознаниемъ ихъ исполненія. Недостатки точности перевода совершенно исчезаютъ предъ изяществомъ и мощью цѣлаго, предъ постояннымъ расширеніемъ его смысла въ простотѣ христіанской истины.. И этотъ-то текстъ, съ изумительною точностью, съ вдохновенною смѣлостью былъ переложень на языкъ (славянскій) юный и свѣжій, но богатый и гибкій, при этомъ впервые вошедшій въ полную силу свою, и переводъ этотъ наложилъ на юный языкъ неизгладимую печать. Языкъ этотъ сдѣлался книжнымъ языкомъ великаго христіанскаго народа и до сихъ поръ остается живымъ элементомъ русской рѣчи, письменной и устной. Самый же переводъ сталъ однимъ изъ величайшихъ сокровищъ этого великаго народа. Каждое его слово, постоянно звучащее въ торжественныя минуты общественнаго богослуженія, своеобразный ритмъ cadaго стиха, закрѣпленный дивными напѣвами прокимновъ, антифоновъ, причастныхъ, сплелись со всѣми отголосками сердечной памяти, со всѣми изгибами вѣрующей души... И такъ, именно въ этой формѣ, хотя отчасти дѣтскому пониманію недоступной, именно съ церковно-славянскимъ текстомъ, освященнымъ вѣками, красотою своею затмѣвающимъ всѣ прочіе, кромѣ греческаго, обязаны мы освоить сердце и память воспитанниковъ нашей начальной школы“ *).

Примѣчаніе. Ясно, что переводъ на русскій языкъ священныхъ книгъ дѣло не легкое **). Я затруднился (и отвѣтить положительно на вопросъ, возможенъ-ли теперь переводъ, равный по достоинству славянскому тексту. Вѣдь переводъ, соответствующій подлиннику, доступенъ лишь для тѣхъ, кто глубоко изучилъ еврейскій и древне-греческій языки, древне и ново-славянскій, и сроднился съ ними настолько, что понимаетъ въ нихъ всѣ оттѣнки, всѣ особенности въ выраженіи мысли, образовъ и чувствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣетъ въ совер-

*) „Сельская школа“ Рачинскаго. 5 изд., стр. 303—304.

***) Не смотря на несомнѣнный достоинства (ясность и силу) перевода К. П. Побѣдоносцева,—не замѣчается ли въ немъ по мѣстамъ какая-то сухость, не соотвѣтствующая мягкости чувствъ, высотѣ и духу христіанской любви, которыя яснѣе выражаются въ Очюдальномъ переводѣ, а еще болѣе въ славянскомъ Евангеліи? Хотя я въ данномъ случаѣ основываюсь лишь на своемъ непосредственномъ впечатлѣніи, но смѣю думать, что каждый, кто вчитается во всѣ указанные тексты, придетъ къ той же мысли. Впрочемъ, и самъ К. П. Побѣдоносцевъ не думаетъ уподоблять по достоинству свой переводъ славянскому тексту Евангелія, и называетъ его лишь „опытомъ къ усовершенствованію перевода на русскій языкъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта“, т. е. онъ старается возвысить существующій уже переводъ, сомнѣваясь даже, какъ мы видѣли, въ его необходимости и отрицая самую возможность сравняться переводу съ славянскимъ текстомъ.

шенствѣ и роднымъ языкомъ— проникъ въ его геній, умѣть пользоваться всеми богатствами его словъ и оборотовъ, чтобы воплотить въ своей рѣчи сокровища святаго ученія: лишь тогда переводъ библейскихъ и богослужебныхъ книгъ будетъ адекватнымъ по содержанию священному тексту, вѣрно будетъ передавать его содержаніе и его особенности. Но соответствіе буквѣ текста еще не все. Есть еще и другое, болѣе важное и трудное условіе для перевода, чтобы онъ былъ достойнымъ подлинника. Отцы русской церкви давно уже указали это требованіе; оно стало убѣжденіемъ русскаго народа.

Переводчикъ долженъ быть высокой жизни и высокаго подъема духа, чтобы воспринять возможно полнѣе великую и святую сущность и силу текстовъ, чтобы пережить ихъ въ своей собственной дѣятельности,— и это для того, чтобы по своему настроенію, чувствамъ и отношенію къ міру и людямъ возможно больше слиться съ душою священныхъ писателей, духовный міръ и стремленія которыхъ стали бы его духовнымъ міромъ и жизненными потребностями. Тогда только, войдя самъ въ этотъ возвышенный духовный міръ, онъ почуветъ, какой долженъ быть языкъ перевода и, владея въ совершенствѣ орудіемъ для выраженія святаго текста—образовъ и мыслей, вѣры и чувства, не допустить въ немъ ничего, несоотвѣтствующаго духу подлинника, ничего не выдѣляя искренняго, никакой даже малѣйшей фальши. Но гдѣ же теперь эти ученые знатоки языковъ подлинника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди глубокой вѣры, высокой, самоотверженной жизни? гдѣ эти праведники?.. Справка въ прошломъ укажетъ, что это требованіе—воззрѣніе отцевъ нашей церкви, давно ставшее и народнымъ.

Не переводчики—даже переписчики и справщики славянскихъ книгъ внесли, какъ извѣстно, искаженія и порчу текстовъ, не соответствуя указаннымъ выше требованіямъ. А казалось бы, что ихъ дѣятельность болѣе внѣшняго характера, болѣе простая. Но даже она обусловлена не только основательностью знанія, усердіемъ и вниманіемъ, но также и чистотою духа и возвышенностью стремленій. Не даромъ на списываніе священныхъ книгъ благочестивые люди первыхъ вѣковъ христіанской эры на Руси смотрѣли какъ на подвигъ, предпринимаемый для спасенія души, который долженъ предваряться и сопровождаться усердною молитвою и совпадать съ праведною жизнью. Есть свидѣтельство, что это дѣло стояло рядомъ съ другими христіанскими подвигами. Доказывать все это не нужно: это—фактъ, уже давно доказанный и вошедшій въ изслѣдованій даже въ учебники *).

---

*) См. напр. „Исторію русской словесности“ А. Галахова. „Изъ убѣжденія въ душеспасительной пользѣ священныхъ книгъ вытекалъ взглядъ на самое служеніе книжному дѣлу. Списываніе и распространеніе ихъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, подвигомъ благочестія... Небрежное отношеніе къ дѣлу ставили въ число грѣховъ и заносили этотъ видъ грѣха въ исповѣдныя формулы. Такъ, въ одномъ требникѣ, въ чинѣ исповѣданія кающагося, читается слѣдующее признаніе: „согрѣшихъ, переписывая святыхъ писанія по своему обычаю и по своей волѣ, а не якоже есть писано“ (томъ 1, стр. 170—171).

Прибавимъ еще, что не только переводъ или исправленіе или даже списываніе книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ требовали къ себѣ благоговѣйнаго отношенія и душевной чистоты: составленіе житій святыхъ тоже стояло въ ряду духовныхъ подвиговъ и требовало жизни, соотвѣтствовавшей труду. Упоминаемъ объ этомъ потому, что въ изслѣдованіяхъ прошлой жизни намъ не приходилось объ этомъ читать; мало, какъ видно, разработана въ вопросъ объ этомъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ важенъ для насъ.

Въ Патерикѣ печерскомъ (собственно — въ „Пристѣженіи ко всѣмъ тріемъ частемъ Патерика, въ немъ же обрѣтаются житія писателей книги сея“) помѣщается, прежде всего, житіе преподобнаго Нестора, иже просвѣти отеса наша и писа „о преподобномъ Антоніи и прочихъ, послѣдующихъ тому и порожденныхъ духомъ отъ него Печерскихъ святыхъ, иже — читаемъ дальше — святолюбивая гѣхъ житія не токмо тростію на хартіи, но и *равноподвижными дѣлы на непорочной души своей написа*“. Или въ житіи преподобнаго епископа Симона читаемъ: „По истинѣ бо добръ сострои домъ Божій и утверди церковь Христову *житіемъ* своимъ святымъ и *ученіемъ* о житіихъ святыхъ“. Итакъ, преподоби. Несторъ *осуществляетъ* въ своей жизни и подвиги святыхъ, о нихъ же повѣствуетъ; преподоби. Симонъ церковь Христову *утверждаетъ* какъ своею жизнью, такъ и составленіемъ житій святыхъ. Изъ великихъ свойствъ души вытекаетъ самый подвигъ написанія житій. Такимъ образомъ, святое дѣло для своего успѣха требуетъ чистой души и праведной жизни, и трудъ человѣка, ради божественнаго слова, свидѣтельствуетъ—это думаетъ и теперь народъ и такъ дѣйствительно должно быть — о томъ, что и душа его соотвѣтствуетъ дѣлу, искренно въ немъ выражаясь.

Оказывается, что ни Евангелія, ни Псалтири, ни вообще священныхъ и богослужебныхъ текстовъ, ни даже Четвы-Миней св. Димитрія Ростовскаго нельзя перевести на русскій языкъ безъ ущерба для внутреннихъ достоинствъ славянскаго текста, для его духа, для настроенія проникающаго. Но кромѣ достоинствъ, обусловленныхъ высокимъ и сильнымъ чувствомъ глубоко вѣрующихъ переводчиковъ и писателей текстовъ, языкъ религіи въ своей первобытной простотѣ имѣетъ свои особенныя достоинства, которыя теряются при переводѣ съ этого языка на частные языки отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Славянскій языкъ переводовъ — это общеславянскій языкъ, въ значительной степени понятный и теперь — и для болгаръ, и для сербовъ и для галичанъ и для великороссовъ и для малороссовъ — для всѣхъ славянскихъ народностей. И въ этой общности языка его великое достоинство. Не о политическомъ его значеніи мы говоримъ здѣсь, а о томъ, которое обуславливается именно *широтой его общности и возвышенія* надъ частными

языками, какъ ихъ общаго корня. Чѣмъ больше народовъ объединяетъ языкъ, являясь выраженіемъ общаго, свойственнаго всѣмъ этимъ народамъ, связывающаго ихъ, тѣмъ это объединяющее есть болѣе идеальное, благородное. Въ немъ уже нѣтъ того случайнаго и единичнаго, что имѣетъ отношеніе къ житейскимъ нуждамъ народа въ отдѣльности, что призываетъ ихъ къ явленіямъ мѣста и отдѣляетъ другъ отъ друга. Даже тѣ слова и выраженія, которыя служили нѣкогда мірскимъ цѣлямъ, одухотворились и не напоминаютъ намъ матеріальное, житейское, низменное *). Степень общности языка одного для многихъ народовъ показываетъ степень его одухотворенности, идеальности: то, насколько онъ возвышается надъ частными языками, показываетъ, насколько въ немъ выразили свои духовныя богатства всѣ родственные народы. Но то, что своими духовными богатствами соединяетъ, выше того, что раздѣляетъ, при условіи своей понятности, доступности. А таковъ и есть церковно-славянскій языкъ, какъ носитель общаго для народовъ и далекаго отъ утилитарности. Уже идеализированный, одухотворенный, онъ воплотилъ въ себя вѣрованія всѣхъ православныхъ славянскихъ народностей, ихъ высшія духовныя потребности, религіозныя стремленія. Измѣнять этому общему языку и переходить къ частному нельзя, не растерявши тѣхъ общеславянскихъ богатствъ, которыя воплотились въ этомъ общемъ языкѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ уже не языкъ мірскихъ потребностей, а языкъ духа, который объединяетъ всѣ славянскіе народы, далекаго вѣка нашихъ предковъ съ нашимъ временемъ и будущими вѣками нашихъ потомковъ. Онъ возбуждаетъ чувство великаго, возвышеннаго и вѣковѣчнаго. Онъ не колеблется, не измѣняется—согласуясь съ тѣмъ, какъ неизмѣнна и устойчива и вѣра православная. Перевести на частный языкъ Божественныя истины значило бы поставить ихъ въ общій потокъ жизни, внося въ переводъ перемѣны на языкѣ, вызванныя нуждами жизни, т.е. обусловленныя социальными дви-

---

*) Вотъ причины, почему переводъ, напр., выраженій и словъ, указанныхъ проф. Шваницкимъ, будетъ уже ихъ вулгаризаціей: съ звуками соединяется и тогъ оттѣнокъ смысла, та ассоціація, которая влечетъ рядъ представленій и настроеній, несоответствующихъ потребностямъ духовнаго возвышенія: *чело, утроба, ложесна*, — не вызоветь того оттѣнка въ представленіи, какое вызываетъ ихъ переводъ. Но почти всякое другое слово и выраженіе несходное съ русскимъ, уже получаютъ при переводѣ этотъ оттѣнокъ вулгаризаціи, хотя и не такъ замѣтно выраженный.

женіями, измѣненіями въ искусствахъ, въ наукѣ, торговлѣ, и вообще во всѣхъ сферахъ дѣятельности, обуславливающихъ развитіе языка. Но, какъ вѣра устойчива и неизмѣнна въ своемъ существѣ, такъ долженъ быть устойчивъ и языкъ религіи, не мѣняясь съ каждымъ поколѣніемъ, согласно движенію общественной жизни. Языкъ общепотребительный въ житейскихъ дѣлахъ съ каждымъ поколѣніемъ уже не тотъ, и одно столѣтіе жизни вносить въ него значительныя перемѣны. Неужели и языкъ церкви съ каждымъ поколѣніемъ долженъ подновляться и измѣняться, внося новыя и новыя перемѣны, вопреки неизмѣняемости каѳолической церкви? — Обратимъ вниманіе еще и на то, что въ своемъ движеніи языкъ Руси распался на нарѣчія — это уже дальнѣйшее развѣтвленіе славянскаго языка. Въ виду этого являются новыя затрудненія при переводахъ и новыя опасенія дальнѣйшаго приниженія религіозныхъ истинъ. На какое изъ нарѣчій перевести богослужебныя книги: на великорусскій ли? малороссійскій для малороссовъ? бѣлорусскій? Или же вообще въ каждой мѣстности, гдѣ есть болѣе значительныя разности въ говорѣ, нуженъ и новый переводъ? Или же быть можетъ, лучше всего воспользоваться языкомъ литературнымъ? Но кто же знающій народъ не знаетъ и того, что языкъ интеллигенція менѣе понятенъ для народа, чѣмъ языкъ славянскій? Наконецъ, быть можетъ скажутъ, что нужно перевести книги на тотъ популярный языкъ, какимъ пишутся народныя брошюры... Для чловѣка, понимающаго значеніе религіи и не отвергающаго ее, очевидно, что каждый изъ этихъ переводовъ въ большей или меньшей степени, повель бы къ подрыву значенія религіи: замѣна славянскаго языка другимъ частнымъ по отношенію къ нему будетъ въ ущербъ духовнымъ богатствамъ, заключеннымъ въ немъ, и чѣмъ дальше отошелъ этотъ языкъ отъ общаго корня, чѣмъ оно мелче, представляя нарѣчіе, а тѣмъ болѣе говоръ, тѣмъ обмірщеніе, вулгаризація религіозныхъ истинъ будетъ значительнѣе.

Примѣчаніе. Достаточно прочесть нѣсколько главъ малороссійскаго перевода Евангелія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въмѣсто: и се жена—і ось жинка; молва въ людехъ—заколотъ; слова же моя не мимоидуть—не перейдутъ; Исусъ... рече: дерзай, дщи—крѣпись, дочко; порожденія ехиднова—кодло гадюче; и не введи насъ въ напастъ—у спокуту; знаменія ищетъ—ознаки шукае и т. д. Выборомъ словъ и выраженій не рѣдко принажается текстъ евангельскій, не совпадаетъ съ нимъ переводъ и по значенію, вносить колоритъ малорусской деревни, такъ какъ подставляетъ ей образы,

предметы и вообще обстановку, вмѣсто библейской. И все это неизбежно: языкъ житейскаго обихода связанъ съ опредѣленными представленіями и строемъ души; въ немъ небо и земля, природа и жизнь Украины, которая создала этотъ языкъ, отразилась въ немъ, адекватна ему. Замѣтно также, что переводчику придется выбирать слова отдѣльныхъ малорусскихъ говоровъ; кажется, что ему приходится даже образовывать новыя слова, въ живой рѣчи не встрѣчающіяся. Мы не отрицаемъ нѣкоторыхъ достоинствъ этого перевода: искренности и простоты, нерѣдко близости къ славянскому тексту. Но онъ именно въ томъ и хорошъ, въ чемъ подобенъ славянскому тексту, и во всемъ, чѣмъ отличается отъ него,—въ этомъ именно его недостатки. И къ тому же: не для всѣхъ малороссовъ—даже Малороссіи и Новороссіи, не говоря въ частности о Волинн, тѣмъ болѣе о Подоліи и Галиціи—онъ одинаково понятенъ въ тѣхъ или иныхъ своихъ оборотахъ и словахъ: для разныхъ мѣстностей нуженъ бы, какъ видно, и различный переводъ; но тогда общечеловѣческое ученіе Евангелія пришлось бы заключить въ еще болѣе узкія рамки... Привить малорусскій переводъ, вмѣсто греко-славянскаго, значило бы измѣнить господствующій въ немъ духъ, принизить его силу, ввести въ народъ соблазнъ и только повредить религиозно-нравственному вліянію богослужебнаго языка.

Но говорятъ, что языкъ славянскій почти что непонятенъ для русскаго народа... Утвержденіе, основанное на недоразумѣніи. Серьезное изученіе вопроса приводитъ насъ къ иному выводу. Онъ былъ понятенъ народу и въ прежніе вѣка, понятенъ и теперь. Когда онъ былъ ему понятнѣе—не легко рѣшить. Прежде онъ былъ ему ближе, по большому сходству съ древне-русскимъ. За то теперь, съ большимъ развитіемъ народа и возможностью получить объясненіе трудно понимаемаго, когда можетъ помочь и школа и книга, проповѣдь и частныя бесѣды,—есть больше возможности достигнуть его пониманія. Разъяснимъ сказанное.

Славянскіе языки древне-русскаго и церковно-славянскій-Болгарскій или тотъ, на который свв. Кириллъ и Меѳодій переводили богослужебныя книги въ X вѣкѣ, были довольно близки одинъ къ другому. Эта ихъ общность сознавалась и на Западѣ, гдѣ одинъ изъ папъ въ буллѣ 973 года выразился такъ: „*Non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Russiae aut slavinae linguae*“... Такъ близки были тогда представленія о Болгаріи, Россіи и языкъ ихъ славянскомъ. И у насъ въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 898 годомъ сказано: «А словенскій и русскій одно есть». Не разъ повторялась эта мысль и въ позднѣйшіе вѣка, и на Западѣ и у насъ, обозначая общезвѣстный тогда фактъ. Когда перевесена была на Русь церковно-славянская пись-

менность, то на этомъ языкѣ читались священныя книги, совершалось богослуженіе; но на немъ же писались уже русскими житія святыхъ, проповѣди и др. религіозно и нравственно назидательнаго содержанія творенія. И только акты государственныя, договоры и др. официальные бумаги писались по русски. Сравнивая же книги, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ и на русскомъ, мы должны признать между ними значительное сходство*). Возьмемъ на примѣръ грамоту Великаго Князя Мстислава Володиміровича Юрьеву монастырю (1128—1132 г.г.) и мы увидимъ сходство не только въ самомъ вышнемъ видѣ (алфавитъ и начертанія со всѣми особенностями), но и въ строѣ рѣчи и въ сходствѣ словъ, напр., съ Остромировымъ Евангеліемъ*). Кажется, легче найти сходство между нимъ, чѣмъ различіе. Или обратимъ вниманіе на языкъ лѣтописи Нестора, написанной русскимъ языкомъ: развѣ онъ не сходенъ существенно съ церковно-славянскимъ? Но первоначальное сходство языковъ вело я къ ихъ дальнѣйшему сближенію. Русскіе переписчики книгъ славянскихъ, пользовавшіеся этимъ языкомъ, „иногда невольно, а иногда, быть можетъ, и сознательно сглаживали особенности церковно-славянскаго языка, чуждыя русскому духу, а съ другой стороны, люди книжныя, болѣе или менѣе знакомыя съ церковно-славянскою письменностью, также отчасти бессознательно, отчасти сознательно, — вносили въ русскій языкъ слова, обороты и этимологическія формы языка церковно-славянскаго (В. А. Яковлевъ, стр. 8 „Этимологія слав.“). А также не могъ онъ не оказывать сильнаго вліянія и на устную рѣчь людей, постоянно слышавшихъ рѣчь славянскую и находившихся, поэтому, подъ ея сильнымъ вліяніемъ. А такихъ людей было много, и черезъ нихъ вліяніе славянской рѣчи на русскую, устную и письменную, хотя и умѣряемое стихіей языка народнаго, продолжалось до Петра Великаго. „Тогда существовалъ особенный и при томъ самый главный отдѣлъ литературы, въ сочиненіяхъ, напр., лѣтописныхъ, сказаніяхъ, повѣстяхъ, хожденіяхъ и т. д., гдѣ русская рѣчь до того пропитана церковно-славянскимъ, что нерѣдко возникаетъ сомнѣніе, считать ли ее высшимъ стилемъ русской рѣчи, или низшимъ стилемъ рѣчи церковно-славянской. Въ языкѣ этомъ, которому „присвоено не вполне точное наименованіе сла-

*) См. „Общеславянскій языкъ“ проф. Будиловича, т. 2, стр. 148.

*) Отрывки изъ грамоты Мстислава можно найти въ „Этимологін русскаго литературнаго языка въ связи съ этимологіей языка церковно-славянскаго“ В. А. Яковлева.

вяно-русского, церковно-славянизмы испещряютъ рѣчь не только въ области лексикальной, но и въ чисто грамматической, что вообще случается рѣже и труднѣе при взаимодействіи языковъ *). Книжные люди не только пользовались языкомъ славянскимъ для письменнаго выраженія своихъ мыслей, но и для церковныхъ проповѣдей и даже въ частныхъ бесѣдахъ о религіозныхъ предметахъ. Говоря о XII вѣкѣ, проф. Будиловичъ отмѣчаетъ широкое примѣненіе церковно-славянскаго языка не только въ богослуженіи, но и во всѣхъ родахъ высшей литературы, быть можетъ и въ разговорѣ образованныхъ сословій, особенно духовенства („Общесл. языкъ“ т. 2, стр. 107). И это вліяніе славянской рѣчи на устную русскіихъ людей сильно чувствовалось отъ временъ Владиміра Равноапостольнаго и до Петра Великаго. По свидѣтельству Юрія Крижанича, жившаго долго въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, „изъ каждаго десяти словъ этого языка (церк.-слав.) девять похожи на слова русскія и лишь одно на южно славянское“. Можно ли въ такомъ случаѣ сомнѣваться, что онъ былъ понятенъ простому русскому народу, а тѣмъ болѣе людямъ книжнымъ и духовенству, а также, что онъ могъ быть и языкомъ разговорнымъ? Уже значительно позже послѣ Петра I, Тредьяковскій свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ говорилъ еще по-славянски. Но если онъ разговаривалъ по-славянски, то, очевидно, его понимали, да навѣрное, хотя не всегда, то и отвѣчали на этомъ же языкѣ. Такое предположеніе возможно по аналогіи съ тѣмъ, какъ духовенство и теперь иногда пользуется славянскимъ языкомъ въ проповѣдяхъ, во время религіозныхъ бесѣдъ, а батюшки стариннаго духа прибѣгаютъ къ нему и въ частныхъ бесѣдахъ. И въ народѣ замѣтно это вліяніе на устную рѣчь людей болѣе религіозныхъ и склонныхъ къ духовнымъ интересамъ. Можно ли сомнѣваться, что въ прошломъ вѣкѣ, а особенно въ болѣе давніе вѣка пользованіе имъ было значительно. И такъ, если съ появленіемъ у насъ книгопечатанія, гражданскаго шрифта и умноженіемъ свѣтскихъ книгъ сближеніе церковно-славянской письменности съ русскою (ассимиляція въ строѣ той и другой, заимствованіе словъ) прекратилось, то вліяніе славянскаго на русскій, и разговорный и письменный, продолжалось долго еще и потомъ, и пониманіе — и книжными и простыми людьми — было и есть весьма

---

*) А. Будиловича „Общеславянскій языкъ“ т. 2, стр. 244 — 245.

достаточное. Вліяніе это не могло прекратиться, потому что и чтеніе славянскихъ книгъ и русскій языкъ одинаково препятствовали этому, уже облизившись во многомъ. „Русскій языкъ, оказавъ значительное вліяніе на церковно славянскій, преобразовалъ его какъ бы въ новое нарѣчіе, названное въ отличіе отъ древняго новымъ церковно-славянскимъ языкомъ. Въ свою очередь и церковно-славянскій оставилъ неизгладимые слѣды на русскомъ литературномъ языкѣ—п въ отношеніи лексическомъ и въ отношеніи этимологическомъ“ (Яковлевъ, стр. 9).

Если отъ этихъ историческихъ справокъ мы обратимся къ фактамъ современности, мы и здѣсь найдемъ подтвержденіе нашего взгляда. Какъ языкъ родственнѣйшему нашему, сходный по большинству своихъ словъ и оборотовъ, онъ не можетъ не быть понятнымъ народу. Фактически это доказывается тѣмъ, что народъ любитъ слушать чтеніе на славянскомъ языкѣ (примѣры даны выше) и воспринимаетъ изъ него мысли и чувства. Если бы этого не было, то въ храмѣ онъ не настраивался бы, согласно моменту богослуженія, не совершалъ бы дѣйствія (наклоненія головы, крестнаго знаменія, козѣнопреклоненія, большей выдержанности положенія при извѣстныхъ возгласахъ), соотвѣтствующія этому моменту. Если бы народъ не понималъ или едва-едва понималъ, могло ли бы это быть? И дома, читая Евангеліе и даже Псалтирь, онъ хотя и не все, но многое понимаетъ: иначе онъ и не могъ бы увлекаться чтеніемъ, умиляться и настраиваться соотвѣтственно ему. „Едва ли кто станетъ утверждать (пишетъ проф. Пѣвницкій въ „Церк. Вѣд.“ 1908 г. стр. 1271—1272), по крайнѣй мѣрѣ не представляемъ того, чтобы народу непонятны были моленія и пѣнія, слышимыя во время главнѣйшаго изъ нашихъ богослуженій—Божественной Литургіи, и чтобы, во время совершенія этого священнодѣйствія, онъ, какъ глухой, стоялъ безучастно, совершенно не понимая того, что предъ нимъ поется и читается. Не думаемъ также, чтобы ему непонятны были слова Евангелія, читаемаго на славянскомъ языкѣ: въ Евангеліяхъ, читаемыхъ и по-славянски, все такъ ясно и прозрачно, что святое слово безъ затрудненія ложится на сердце и простого, мало развитого слушателя“. Но—довольно. Если мы—на что надѣемся—доказали выше, что народъ воспитывался и воспитывается подѣ вліяніемъ славянскаго языка, то мы уже само-собою доказали и то, что въ главномъ и существенномъ онъ понятенъ народу, а не понятны лишь тѣ или другія частности, отдѣль-

ныя слова и выраженія *). Совершенно чуждый народу языкъ не могъ бы воспитывать его, воздѣйствовать на мысль и чувство. Если же языкъ славянскій понятенъ народу настолько, что имѣеть на него благотворное вліяніе и, какъ орудіе религіозно-нравственнаго просвѣщенія, стоитъ выше русскаго, то, слѣдовательно, этимъ отрицательно рѣшается вопросъ о замѣнѣ славянскаго языка русскимъ въ богослуженіи и въ домашнемъ чтеніи. Онъ даетъ созерцаніе высокихъ религіозныхъ идей и образовъ, вліяетъ на сердце, возбуждаетъ нравственныя чувства, влечетъ къ улучшенію жизни на началахъ любви, самопожертвованія и служенія своимъ ближнимъ. Онъ имѣеть свои особенныя спеціальныя задачи и въ своей области онъ не можетъ и не долженъ быть замѣненъ языкомъ русскимъ. И понятно, почему это такъ, почему не можетъ быть иначе: два ряда явленій—матеріальныхъ и духовныхъ, временныхъ и вѣчныхъ—должны имѣть соотвѣтствующія себѣ формы словеснаго обнаруженія. Не принижаясь, не ослабѣвая, религіозная вѣра не можетъ заковываться въ формы, свойственныя мірскому знанію.

Р. А. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ дневника молодого священника.

Въ апрѣлѣ текущаго года исполняется шестилѣтіе моего служенія алтарю Божию въ санѣ священника. Волею ангела нашей Астраханской церкви, Епископа Георгія, которому пошли Господи потоки щедротъ Твоихъ, я, недостойный, былъ шесть лѣтъ тому назадъ призванъ на должность священника въ далекой стѣнной приходъ. Послѣ обычнаго приготовленія насталъ, наконецъ, день, единственный въ жизни—принятія благодати священства!

Боже, какія слабыя мысли и чувства въ самыя торжественныя минуты!! Только здѣсь, у св. Престола, какъ предъ Лицемъ Самого

*) Неправъ г. Новиковъ, утверждающій, что народъ совершенно не понимаетъ богослуженія и Часослова, и если старяки, при славянскомъ чтеніи, плачутъ, то плачутъ отъ умиленія, ничего не понимая. Что же касается его утвержденія о себѣ и вообще объ интеллигенціи, что самыя легкія мѣста изъ исторіи Вѣтхаго Завета они еще понимаютъ, все же остальное для нихъ тоже что греческое, чтеніе, то я затрудняюсь, что и сказать объ этомъ: клевета ли это на себя, или дѣйствительно есть часть интеллигенціи, которая такъ далека уже и отъ религіи и отъ народа въ пониманіи церковной рѣчи?

Бога, позналъ я всю убогость, всю черствость души, все полное духовное свое безсиліе. „Пріими залогъ сея и сохрани его цѣль и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія“ и пр., говоритъ Владыка. Гдѣ отыщешь столь торжественно-великую минуту въ своей жизни? Владыка Неба, Жизнодавецъ Богъ, видимо, для очесъ вѣры почиваетъ на нечистыхъ рукахъ монаховъ!! Какая страшная отвѣтственность ложится на меня, если я не исполню въ дальнѣйшей своей жизни „великаго сего завѣта!!.“ Вѣрующее чуткое сердце христіанна должно бы трепетать, благоговѣть, смиряться и восторгаться предъ тайной Божественной любви; но... грубое сердце мое, помню, хранило тогда могильное молчаніе: оно не отвѣчало на горячую любовь Промыслителя; замкнуло свои покровы, точно боясь пропустить туда живительный лучъ благодѣтельнаго солнца—Христа; гордый и непослушный разумъ блуждалъ гдѣ-то „тамъ“, по распутьямъ міра сего—грѣховнаго и преступнаго. Но благодать Божія несокрушима и всесильна; она хранила меня: и черстваго, и дерзкаго, и падшаго!

Но... вотъ я ужъ и священникъ! Святыи крестъ, покоющійся на груди моей, болѣе всего вѣщаетъ о принятыхъ на себя обязанностяхъ: алтарь церковный отнынѣ открытъ для меня; я первый хранитель его святости!

Признаюсь, все это заставляло подумать о томъ, что ранѣе и на мысль не приходило. Размышляешь обыкновенно: крестъ... вѣдь не для показа и отличія только возложенъ на мои перси; такой же мысленный крестъ—смиреніе, любовь, терпѣніе и всепрощеніе—долженъ быть уже въ самомъ моемъ сердцѣ!!.

А есть ли онъ въ дѣйствительности? Не пусто-ли сердце мое этихъ духовныхъ сокровищъ; не таитъ-ли оно что-либо противнаго завѣтамъ св. Креста? Могу-ли утверждать противное? И, если не могу, то „чимъ похваляюся, похваляюся развѣ немощами своими?!.“

Дальнѣйшіе шаги мои въ дѣлѣ служенія стали все болѣе и яснѣе раскрывать мнѣ всю бездну моей неопытности въ духовной жизни и неподготовленности. Первое, съ чѣмъ пришлось столкнуться мнѣ и вступить въ носильную борьбу, это—лѣньность къ молитвѣ, разсѣянность и слабость духовнаго полета мысли.

Приближается, напр., на литургіи время пресуществленія Св. Даровъ; и, о ужась,—сердце по прежнему не чувствуетъ, какъ-будто ни-

чего особеннаго, чудеснаго не имѣть въ этотъ моментъ совершиться; мысль слаба; она потеряла смѣлость широко обнять всю грандіозную картину Божественнаго Демостроительства.

По истинѣ, малый и ничтожный мой челнъ, не вмѣстивъ величія спасительнаго ученія Христова, влается волнами безчувствія, тупости и умственной тяжеловѣсности; влечется все къ опаснымъ берегамъ и подводнымъ скаламъ, упуская изъ виду „спасительную и тихую небесную пристань“.

Съ такою слабой вѣрой вступаешь во вторую, болѣе чудесную часть Литургіи. „Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, говорятъ уста! А сердце? Боже, гдѣ сердце мое? Оно глухо къ такимъ громовымъ словамъ; оно слѣпо для того, чтобы видѣть „чудо велие“, „како Тѣло во истину соединено съ Божествомъ, Иже отъ Маріи Дѣвы начало воспрія!..“

Правда, тамъ, въ глубинѣ души, голосъ вѣры, или, скорѣе, неотлучная благодать Божія, говоритъ мнѣ: „гони отъ себя эти мысли, неприличныя мѣсту, очнись, что задремалъ, предъ кѣмъ стоишь и что совершаешь?..“ Агнецъ Божій, понесшій на себѣ грѣхи твои и всего міра требуетъ теперь твоего сердца, твоей живой вѣры, скорѣй собирайся съ мыслями, вооружайся броней любви и гряди на встрѣчу Господу!

Спасительный Гласъ Божій оживилъ меня на время! Тайнство это, размышляя далѣе, одно изъ величайшихъ, сюда стремятся всѣ наши мысли, это тотъ фокусъ зрѣнія, гдѣ отображается все величіе христіанства: соединеніе съ Божествомъ, участіе въ блаженствѣ вѣчномъ! Нѣтъ; говорю, сгните отъ лица моего мысли, навѣяныя врагомъ моего «счастья и спасенія», пусть Свѣтлѣйшій Ликъ моего Учителя и Господа не скроется отъ меня и тѣмъ не причинитъ мнѣ „величайшаго лишенія“, ибо Ты Самъ, Господи, сказалъ: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня; кто не со Мною собираетъ, тотъ расточаетъ“. Господи, хочу быть вѣчно съ Тобою; хочу и крупицы добра собирать вкупѣ съ Тобою и для Тебя, ибо богатѣе Ты всякаго вѣрнаго раба; хочу поэтому быть послѣднимъ Твоимъ рабомъ, чтобы только всегда питаться неизживаемымъ Твоимъ хлѣбомъ, который Ты Самъ есть, Господи!

Слабый голосъ вѣры восторжествовалъ: слабое сдѣлалось сильнымъ; очи духовные прояснились; мысли воспарили за предѣлы бытія; сердце согрѣлось естественною для него любовію къ Богу...

Оставалось только возможно долже держаться на положеніи такой духовной борьбы.... но, тутъ то кроется новая опасность: слабо мое духовное воображеніе! Мысль устааетъ въ тяжелой для нея работѣ, сердце неспособно вынести продолжительнаго, напряженнаго настроенія. Минута.... и я снова сраженъ! Все, съ тапуть трудомъ добытое, вновь разсѣялось, крылья парящей вѣры снова крѣпко связаны, „земля“, со всѣми „красными“ ея, ворвалась въ настежь раскрытыя двери моей души!

Такъ и уходишь изъ храма съ горькимъ сознаніемъ, что плохо выдержалъ „искусъ“ духовнаго бодрствованія! Какое это тяжелое сознаніе, если надлежаще вдуматься въ него! Хорошо, упорнымъ трудомъ и при помощи Божіей, я одолѣю и поражу невидимаго, упорнаго врага, а, если опущу руки, если душу свою, искупленную Кровью Праведника, оставлю въ небреженіи, то я погибъ и съ собой погублю врученное мнѣ стадо!

Да, тысячу разъ сознаться должно, что „съ неумовенными руками и нечистыми душами людямъ не достоинъ касаться святыни“, а если ужъ Богъ вручилъ въ твои руки „величіе служенія“, то оправдай, о, іерей, Божіе къ тебѣ довѣріе и любовь; не позволяй суетѣ житейской затирать тебя, обезсилывать; помни, врагъ твой діаволъ, какъ лютый звѣрь приготовился поглотить тебя въ тотъ моментъ, когда ты менѣе всего думаешь „о своихъ обязанностяхъ“.

Нѣтъ, священникъ это—подвижникъ, борецъ, воинъ Христовъ! Борьба и прежде всего съ самимъ собою, съ своимъ грѣховнымъ „я“, должна стать не вопросомъ только желательности, но самой полной и живой дѣйствительности! Только тогда я іерей Бога Вышняго, а до тѣхъ поръ, пока я влачусь по распутьямъ міра сего, пока не я міръ, а онъ властно накидываетъ на меня свою руку, до тѣхъ поръ, я злой виноградарь, не приносящій Владыкѣ плоды во времена своя!

Зная, однако, какъ трудно кораблю бороздить волны моря, когда оборваны его снасти и паруса, сорванъ спасительный руль, разбитъ компасъ и потеряно направленіе, я, въ знаменательный для меня день, намѣчаю рядъ „святыхъ исправленій“: укрѣпиться въ подвигахъ молитвы и дѣланіи всякаго добра, дѣлать это искренно, нелицемѣрно; возвратить кормило „твердой—Петровой вѣры“ и возстановить въ сердцѣ дорогой образъ нашего Спасителя, который и есть „Надежный Кормчій“, ведущій къ нескончаемой, вѣчной жизни.

Въ заключеніе своихъ худыхъ строкъ, несу на алтарь Астраханской церкви всю—тугу сердечную! Скорблю и сѣтую горць за всѣ преступленія мои! Усердно прошу молитвъ Церкви и Главы ея—да проститъ мнѣ Господь согрѣшенія, да содѣлаетъ меня не „чадомъ гнѣва“, но „чадомъ любви и милосердія безмѣрнаго“!

Священникъ *Дмитрій Розинъ.*

Сорокалѣтній юбилей начальницы Астраханскаго Епархіальнаго женскаго училища, Александры Ивановны Ивановой

21 января 1910 года въ мѣстномъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ праздновали юбилей начальницы Ал. Ив. Ивановой, которая прослужила на педагогическомъ поприщѣ вообще 54 года и въ должности начальницы этого училища 40 лѣтъ, при полной крѣпости силъ и здоровья.

Въ день юбилея инспекторомъ классовъ, священникомъ В. Строковымъ была отслужена литургія, послѣ которой о. предсѣдателемъ Совѣта кафедр. прот. Н. Лѣтницкимъ, въ сослуженіи бывшаго предсѣдателя—о. прот. А. Поспѣлова, бывшаго инспектора классовъ—о. прот. С. Покровскаго и др. священниковъ, былъ отслуженъ молебенъ о здравіи и долгоденствіи юбилярши. Тотчасъ послѣ службы началось чествованіе начальницы. Въ актовомъ залѣ были поднесены ей подарки и прочитаны адреса. Этотъ праздникъ посѣтилъ Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Архипастырь—Георгій, который въ теплыхъ, сердечныхъ словахъ привѣтствовалъ юбиляршу, указавъ на ея плодотворную дѣятельность въ продолженіи 40 лѣтъ и особенно въ періодъ освободительныхъ движеній: „Сорокъ лѣтъ, —Александра Ивановна,—срокъ не-малый при краткости нашей жизни. Рѣдкое явленіе въ наши дни—прослужить столько. Въ продолженіи этихъ сорока лѣтъ вашей службы Вы были на высотѣ своего призванія, ведя училище по пути добра и правды. Вы удержали питомицъ въ 1905 году, когда пагубное волненіе охватило почти всѣ учебныя заведенія. Дай Богъ Вамъ здоровья и силъ и впредь также вести порученное Вамъ училище. Да хранитъ Васъ Господь“ Начальница приняла благословеніе и икону Спасителя въ кіотѣ, которою Милостивѣйшій Архипастырь и благословилъ ее.

Въ присутствіи Пресвященнѣйшаго Епископа были поднесены юбилейскіе: букетъ воспитанницей младшаго класса съ привѣтствіемъ въ краткомъ стихотвореніи; — два хлѣба съ солью отъ воспитанницъ I—VI классовъ съ слѣдующей рѣчью:

«Высокочтимая и Глубокоуважаемая Начальница наша, Александра Ивановна! Сегодня въ глубокознаменательный день исполнившагося сорока лѣтій доблестной службы Вашей ввѣренному Вамъ училищу, примите отъ всѣхъ насъ, вашихъ питомицъ нѣсколько словъ нашей искренней признательности и глубокаго уваженія къ Вамъ.

Не многимъ своимъ избранныкамъ Господь Богъ даруетъ такое долготѣіе службы. Вы до настоящихъ дней неизмѣнно сохраняете энергію и неослабную ревность къ труду. Слава и благодареніе Создателю, умножившему ваши дни! Вашу почти полувѣковую дѣятельность на пользу ввѣреннаго вашему попеченію училища цѣнить всѣ, кому близки и дороги интересы духовнаго проsvѣщенія и христіанскаго воспитанія юныхъ питомицъ вашихъ. Будучи строгой блюстительницей законности и порядка, Вы въ тоже время даете намъ въ своемъ лицѣ образецъ материнской заботливости о насъ и являетесь въ нашемъ сознаніи полнымъ олицетвореніемъ того нравственнаго авторитета, когда для приведенія въ исполненіе того или другаго дѣла не требуется никакая внѣшняя побудительная сила, а достаточно одно только слово. Всегда пользуясь глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ на воспитанницъ, Вы умѣли благовременно сдерживать многіе порывы нашей дѣтской необдуманности и легкомыслія и предохранять насъ, своихъ юныхъ питомицъ, отъ многихъ такихъ поступковъ, которые могутъ скомпроментировать насъ, выходя изъ предѣловъ скромности и благопріичія! Ваша педагогическая опытность и самоотверженная преданность училищу особенно благотворно проявилась во дни такъ называемаго освободительнаго движенія, когда Вы сумѣли предохранить ввѣренныхъ вашимъ заботамъ воспитанницъ отъ опрометчивыхъ, легковѣрныхъ поступковъ и постороннихъ вредныхъ вліяній и удержать въ должныхъ границахъ порядка. Даже во дни недомоганій Васъ можно было видѣть занятой училищными дѣлами, — а это какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о вашей неослабной ревности къ труду.

Много, много лѣтъ находится ввѣренное Вамъ училище подъ Вашимъ личнымъ руководствомъ и Вы вполне дѣятельно, самоотверженно

и безкорыстно-преданно воспитываете Вашихъ питомиць. Вы влагаете всю душу въ дѣло своего служенія училищу и настолько сроднились съ нимъ, что жизнь училища составляетъ Вамъ внутренней міръ, которымъ Вы всегда живете и который для Васъ дороже всего на свѣтѣ. Принося Вамъ нашу глубокую благодарность за всѣ заботы и материнскія попеченія о насъ, желаемъ Вамъ дальнѣйшихъ успѣхомъ въ Вашей плодотворной дѣятельности на пользу училища и учащихся въ немъ на долгіе, долгіе годы. Да воздастъ же Вамъ Господь Богъ за все добро, за всѣ заслуги, которыя Вы оказали училищу и да продлитъ Онъ жизнь Вашу на многіе, многіе годы въ вождѣльномъ здравіи и бодрости духа!“

Слѣдомъ за ними привѣтствовали начальницу обанчивающія курсъ воспитанницы VII класса, указавъ, главнымъ образомъ на ея внимательное, сердечное отношеніе и гуманную тактику при невольныхъ ихъ проступкахъ.

Казначеей мѣстнаго женскаго, Благовѣщенскаго монастыря монахиней Платонидой была поднесена въ серебряной ризѣ икона Благовѣщенія Пр. Богородицы.

Почтали юбиляршу и бывшія питомицы училища, поднеся ей въ футлярѣ серебряный сервизъ съ словами: „Глубокоуважаемая Александра Ивановна! Въ этотъ высокаторжественный и юбилейный день, день сорокалѣтія Вашего плодотворнаго служенія въ Астраханскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, мы, бывшія Ваши питомицы, не можемъ остаться равнодушными, чтобы не высказать тѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ насъ. Во время пребыванія нашего въ училищѣ Вы, глубокоуважаемая Александра Ивановна, замѣняли намъ родную мать, руководили нами, журили насъ за недостатки, не оставляли насъ своими совѣтами и въ училищѣ, и по выходѣ изъ училища. Въ этотъ юбилейный день исполнитесь радостію, дорогая Александра Ивановна! Вы добросовѣстно исполнили свой долгъ къ ввѣренному Вамъ училищу, воспитали три поколѣнія молодыхъ дѣвиць, которыя проходятъ житейское поприще съ достоинствомъ, поддерживая честь училища, всегда помня Ваши наставленія и сердечно благодаря свою бывшую начальницу, хотя строгую, но добрую, какъ родная мать“.

Отъ бывшихъ и настоящихъ ея сослуживцевъ былъ поднесенъ массивный серебряный бюваръ съ слѣдующимъ адресомъ: Многоуважаемая Александра Ивановна.

Въ торжественный юбилейный день исполнившагося сорокалѣтія вашей службы позвольте намъ, вашимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія дѣтей училища, ввѣреннаго вашему руководительству, принести Вамъ наше искреннее и радостное поздравленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить наше глубокое уваженіе предъ вашей многотрудной, многоплодной работой и предъ вашей доброй, незаурядной личностью. Сорокъ лѣтъ — время весьма некороткое, скажемъ прямо, время для службы весьма продолжительное.

Не многимъ, а только нѣкоторымъ избранникамъ своимъ даетъ Господь милость, такъ что для Васъ это было дѣло предудказанное Высочайшимъ Промысломъ, а потому оно и было для Васъ дѣломъ любимымъ, работою близкой вашему сердцу. Это же предудказаніе Промысла дало Вамъ и умѣнье, и силы находить себѣ добрыхъ сотрудниковъ и умѣло руководить ихъ въ достиженіи намѣченныхъ благихъ цѣлей.

За то и были Вы, многоуважаемая Александра Ивановна, много лѣтъ связаны со всеми членами огромной училищной семьи узами родственными, тѣсными, дружелюбными. Трудно мыслить Васъ безъ училища, а еще труднѣе представить наше училище безъ Васъ.

На долгомъ жизненномъ служебномъ пути работали Вы и при сотрудникахъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ и способностей, были начальники и благостные, и суровые, требовательные и снисходительные; были сотрудники и трудолюбивые и лѣностные, и строптивые и мягкіе. И только благодаря вашему незаурядному житейскому такту и долготѣтней опытности, дѣло воспитанія и обученія многихъ юныхъ душъ шло путемъ твердымъ, правымъ, неуклоннымъ на пользу Святой Церкви и Астраханскаго общества.

Благожелательное отношеніе къ вашимъ сослуживцамъ, искренне — сердечная теплота крѣпко упрочивали ихъ симпатіи къ Вамъ. Вѣдь Вы всегда своимъ добрымъ участливымъ словомъ, а гдѣ можно, и дѣломъ старались поддержать ихъ въ тяжеломъ и не всегда благодарномъ трудѣ.

Да подастъ же Господь Богъ Вамъ разумнія, здоровья и силъ продолжать трудное, но полезное служеніе, и да послужитъ вашъ многоплодный и долготѣтній трудъ высокимъ образцомъ для подражанія всемъ, берущимъ на себя обязательство работать на нивѣ просвѣщенія и воспитанія юношества". (до 40 подписей).

Послѣ сего былъ предложенъ гостямъ въ квартирѣ начальницы чай и завтракъ. Въ это время были присланы поздравительныя письма:

О. Ректоромъ Духовной семинаріи, прот. Н. Пальмовымъ, свящ. Н. Н. Лѣтницкимъ и др. лицами, неимѣвшими возможности за служебными обязанностями посѣтить юбиляршу лично. О. Ректоръ семинаріи архимандритъ Феодоръ писалъ:

Отъ лица своего и ввѣренной мнѣ Духовной семинаріи имѣю честь принести Вашему Высокородію поздравленіе съ исполненнымъ 40 лѣтіемъ доблестной педагогической службы Вашей во ввѣренномъ Вамъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Молитвенно желаю Вамъ и впредь съ честью и непоколебимо служить святому дѣлу христіанскаго воспитанія дѣтей во славу Божию, на пользу Св. Церкви и Отечества. Храни Васъ Господь!

Протоіерей Н. Пальмовъ писалъ:

Имѣю честь и счастье поздравить Васъ съ исполненнымъ сорокалѣтіемъ Вашего славнаго служенія нашему Епархіальному женскому училищу.

Какъ бывший нѣкогда Вашъ сотрудникъ по училищу *), я лично видѣлъ Ваши неутомимые труды по воспитанію дѣтей, Ваши многоболѣзненные заботы о сохраненіи училища на высотѣ его положенія и во всей его нравственной чистотѣ, и всегда старался, насколько это зависило отъ меня, поддержать въ Васъ энергію, ободрить, а подчасъ и утѣшить среди встрѣчавшихся недоразумѣній въ разныхъ обстоятельствахъ училищной жизни. Дай Богъ Вамъ сохранить здоровье и энергію для продолженія Вашей многополезной для училища службы еще на многіе, многіе годы. Свящ. Н. Лѣтницкій писалъ:

Позвольте и мнѣ, меньшему соратнику Вашему на педагогической нивѣ, сердечно привѣтствовать Васъ съ исполненнымъ нынѣ 40-лѣтіемъ Вашей многополезной службы въ должности—начальницы епар. ж. училища. Я всегда съ глубокимъ уваженіемъ относился къ Вамъ, такъ какъ видѣлъ въ Васъ неизмѣнно стойкую представительницу законности, порядка, всегда охранявшую своихъ питомицъ отъ всевозможныхъ дурныхъ вліяній времени. Несомнѣнно, что печальная исторія нашей духовной школы дало бы совершенно другую картину, если бы

*) О. протоіерей Н. Пальмовъ былъ въ этомъ училищѣ инспекторомъ классовъ, а впоследствии и Предсѣдателемъ Совѣта.

среди ея руководителей находилось побольше людей съ такими ясными педагогическими взглядами, какъ у Васъ, и съ такимъ твердымъ направлениемъ, какимъ всегда отличались Вы.

Въ этотъ же день было получено юбиляршей болѣе 16 телеграммъ изъ уѣздовъ Астраханской епархіи и много городскихъ поздравленій отъ частныхъ лицъ, бывшихъ ея сослуживцевъ и воспитанницъ.

Воспитанницамъ училища были розданы лакомства.

Торжество въ общемъ носило семейный характеръ.

С. В. С.

Праздникъ Самодержавія въ Астраханской Епархіальной Библіотекѣ 21 февраля.

Астраханская монархическая партія ежегодно 16 февраля, или въ слѣдующій послѣ этого числа воскресный день празднуетъ праздникъ Самодержавія, вспоминая незабвенныя слова Его Императорскаго Величества Государя Императора, сказанныя имъ 15 февраля 1906 г. депутаціи монархистовъ г. Иваново-Вознесенска: „Самодержавіе Мое остается такимъ-же, какимъ оно было встарь“. Въ нынѣшнемъ году, этотъ праздникъ отпразднованъ былъ 21 февраля въ залѣ Епарх. Библіотеки съ особенною торжественностью.

Уже съ 10 час. утра народъ шелъ въ Кремль толпами и къ окончанію богослуженія въ Соборѣ, значительная часть огромной кремлевской площади была заполнена народомъ. Около 12 часовъ начался крестный ходъ изъ Собора въ Епархіальную Библіотеку, величественный, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди несли Животворящій крестъ и фонарь, за ними слѣдовали: хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ по четыре въ рядъ, въ парадныхъ кафтанахъ; св. иконы: Спаса Нерукотвореннаго, Владимірской Божіей Матери и икона св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, по бокамъ иконъ хоругви, а позади бѣлое знамя-хоругвь партіи, несомое знаменщикомъ партіи, въ установленной парадной формѣ и ассистентами при нарядѣ дружинниковъ; далѣе священникъ съ крестомъ; портреты: Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника, несомые на пеленахъ старшинами; за портретами — оркестръ астраханскаго казачьяго войска, за нимъ 70 учениковъ и ученицъ монархической школы съ національными флагами въ рукахъ, оберегаемые отъ толкотни цѣпью старшинъ. Изъ Кремля крестный ходъ вы-

шелъ подъ благовѣсть соборныхъ колоколовъ. Густой басистый звукъ ихъ гулко разносился по окрестностямъ. Оркестръ стройно заигралъ „Коль сла-
вень нашъ Господь въ Сионѣ“. Крестный ходъ величественно направился по Мос-
ковской улицѣ, движеніе экипажей и трамваевъ остановилось. Торжествен-
ныя, чудныя минуты переживали астраханцы-патріоты, имѣющіе въ сво-
емъ сердцѣ безпредѣльную любовь къ Самодержавному Государю. Торжест-
венныя звуки молитвы „Спаси Господи люди Твоя“, иконы, хоругви, звонъ
колоколовъ, море обнаженныхъ головъ—чудная величественная картина! Изъ
боковыхъ улицъ народъ все вливался и вливался въ общую массу шеству-
ющихъ по Московской ул. до церкви Рождества Богородицы; здѣсь крест-
ный ходъ повернулъ въ Спасскую улицу и направился къ зданію Епархіаль-
ной Библіотеки. Къ величайшему сожалѣнію, большинству изъ массы при-
сутствовавшихъ въ крестномъ ходѣ, не пришлось участвовать на торжествѣ
въ помѣщеніи библіотеки, такъ какъ оно могло вмѣстить только небольшую
часть всѣхъ, пришедшихъ съ крестнымъ ходомъ. Какъ снаружи, такъ равно
и внутри, помѣщеніе Библіотеки было убрано національными флагами; осо-
бенно красиво было убранство зала, декорированное массой флаговъ разныхъ
размѣровъ. Залъ былъ превращенъ какъ-бы во внутренность громаднаго ша-
тра. У передняго лѣваго угла въ простѣвкѣ между окнами былъ помѣщенъ
весьма искусно убранный горностаемъ, нарчей и флагами большой портретъ
Государя Императора, а въ правомъ углу поставлена ораторская трибуна. У
передней стѣны зала столы, накрытые краснымъ сукномъ, а на нихъ, при-
несенныя крестнымъ ходомъ, святыя Иконы. По сторонамъ святыя хоругви и
знамя-хоругвь партіи. Въ 1 ч. дня по прибытіи Его Преосвященства, Пре-
освященнѣйшаго Епископа Георгія начался торжественный молебенъ, который
совершалъ Владыка Георгій въ сослуженіи преосвященнѣйшаго Арсенія, рек-
тора духовной семинаріи, о. архимандрита Феодора и прочаго духовенства,
въ составѣ одиннадцати протоіереевъ и священниковъ. Пѣлъ хоръ архіерей-
скихъ пѣвчихъ. Религіозно настроенный народъ усердно молился, дабы Гос-
подь сохранилъ на долгіе годы жизнь ихъ любимаго Государя и даровалъ
миръ и благополучіе изстрадавшейся Родинѣ въ годы смуты,

Молебенъ закончился провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору
и всему Царствующему Дому, а также Союзу Русскаго Народа, членамъ
Астраханской Народной Монархической партіи и всѣмъ борцамъ за Право-
славіе, Самодержавіе и Русскій Народъ. По окончаніи молебна на трибуну
вошелъ предсѣдатель Монархической партіи Н. Н. Тихановичъ-Савицкій

для прочтенія всеподданѣйшей телеграммы Государю Императору. Въ залѣ воцарилась абсолютная тишина. Предсѣдатель оглашаетъ содержаніе телеграммы, по прочтеніи коей раздается мощное „ура“ и торжественно покрывается звуками народнаго гимна, исполняемаго оркестромъ. Минута воистину торжественна! Послѣ исполненія гимна оркестромъ, гимнъ поется пѣвчими, а далѣе снова повторяется оркестромъ. Дабы дать возможность ознакомиться съ содержаніемъ вѣрноподданной телеграммы и народу, находящемуся на дворѣ, предсѣдатель партіи вышелъ къ народу на дворъ и прочиталъ ея содержаніе. Могучее ура народа покрыто было звуками музыки, исполнившей народный гимнъ. Въ это время въ залѣ бібліотеки сказалъ рѣчь священникъ Сергій Добронравовъ о значеніи Самодержавія. „Привѣтствую Васъ съ настоящимъ днемъ торжества. Этотъ день нами монархистами празднуется и будетъ праздноваться въ память извѣстныхъ словъ, сказанныхъ Государемъ Императоромъ монархистамъ 16 февр. 1906 г.— Въ 1905 г. въ угоду лѣвому теченію такъ называемой „лѣвой интеллигенціи“ согласно докладу гр. Витте былъ изданъ манифестъ 17 октября, коимъ повидимому ограничивалась власть Государя Императора. Въ этомъ роковомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Витте выставилъ требованія лѣвой интеллигенціи, назвавъ таковыя „политической идеей большинства русскаго общества. „Что же случилось? Только извѣстная часть интеллигенціи, именно лѣвая, написавшая на своемъ знамени: долей Самодержавіе!, попала въ Гос. Думу и руководила ею. Всѣ ея стремленія сводились къ полному упраздненію нашего кореннаго государственнаго строя и въ введеніи въ Россіи государственнаго устройства на иноземный образецъ, не желая даже считаться съ мнѣніемъ интеллигентныхъ людей, оставшихся вѣрными русскимъ историческимъ взглядамъ, а также съ мнѣніемъ громаднаго большинства средняго класса и простого народа. И эта часть интеллигенціи добила своей цѣли, именно, свободы для себя, вести борьбу за давно желанную власть, а добившись ея, она раскололась на отряды, чтобы тѣмъ удобнѣе вести правильную войну. Крайніе отряды ея дѣйствовали бомбами, кинжалами и поджогами. Въ нихъ вступали люди: учившіеся „чему нибудь и какъ нибудь“, не желающіе знать жизни спокойной, трудовой и плодотворной. Подобные люди притязательно требовали „отдай намъ, что имѣешь“. На эти отряды лѣвая интеллигенція взвалила черную работу въ видѣ демонстрацій, манифестацій, забастовокъ, убійствъ и мятежей. Въ то время, когда люди эти кричали и требовали отъ имени всего русскаго народа самовластія, другая часть интеллигентнаго общества,

средній и простой классы, изумленно смотрѣли, что это вокругъ нихъ происходитъ? Откуда это все? Но, затѣмъ, отшатнулись, начали отстаивать все то, что было дорого для русскаго сердца, для русскаго ума. Лѣвая интеллигенція открыто говорила и въ печати и въ Госуд. Думѣ, что съ учрежденіемъ Думы у насъ теперь конституціонная форма правленія, ограничивающая Самодержавную волю Монарха, волею сидящихъ въ Думѣ, безъ согласія которыхъ ни одно распоряженіе не можетъ имѣть силы. На это слишкомъ смѣлое заявленіе, членъ Госуд. Думы Марковъ въ своей рѣчи отвѣтилъ: „когда насъ монархистовъ увѣряютъ, что Монархъ потерялъ свою власть только потому, что Онъ довѣрилъ намъ частицу своей власти, то мы говоримъ; „постойте, это что не такъ? Намъ монархъ дѣйствительно далъ часть своей власти, даровалъ возможность ея пользоваться на благо народа, какъ суду присяжныхъ несомнѣнно даровано Монархомъ право судить и ссылать даже въ каторгу. Но развѣ судъ присяжныхъ ограничиваетъ власть Монарха? Нѣтъ. Присяжные только пользуются довѣренной имъ частицей Монаршеской власти и въ силу этого по указу Его Императорскаго Величества посылаютъ виновнаго въ Сибирь. Безъ сомнѣнія, судъ присяжныхъ нисколько не умаляетъ и не ограничиваетъ власти Государя Императора. Власть Царская пребываетъ только еще выше, ибо черезъ судъ она дѣлается способной наблюдать за правдой и закономъ. Мы, члены Госуд. Думы продолжаетъ Марковъ, ничто иное, какъ судъ народной совѣсти—тѣ же присяжные. Слѣва раздаются противоположныя утвержденія. Намъ говорятъ оттуда, что даровавъ народу такія права, такія блага, Государь ограничилъ свою власть, что власть Его уже перестала быть могущественной и Самодержавной и уже до извѣстной степени умалена. Мы, правые, считаемъ своимъ долгомъ сказать: „это не такъ. Государь Императоръ есть, какъ сказано въ Основныхъ Законахъ, какъ сказано въ этой присягѣ, которую мы всѣ подписали—Самодержецъ Всероссійскій!“ Кроме того мы сами видимъ, что манифестомъ 3 іюня 1907 года, которымъ Государь Императоръ своею единоличною, Самодержавною волею измѣнилъ прежній законъ о выборахъ въ Госуд. Думу, данъ ясный и опредѣленный отвѣтъ—отвѣтъ послѣдній—на всѣ вопросы, смущавшіе умы людей и порождавшіе смуту политическую. Въ Россіи сейчасъ Государь Самодержавный. Ему отъ Господа Бога вручена неограниченная власть. Онъ только предъ Престоломъ Всевышняго даетъ отвѣтъ за судьбы Державной Россіи. Отсюда, конституція, которой добивалась лѣвая интеллигенція, остается достояніемъ лишь самой интелли-

генціи, воспитанной не въ русскомъ, а въ чужеземномъ духѣ. Народъ не признаетъ никакой конституціи. Въ глазахъ русскаго народа Царь остается и останется на всегда Царемъ полновластнымъ. Говорятъ о томъ же Основные Законы, говорятъ тоже Манифесты Государя Императора. Самодержавіе для массы народа является не только предметомъ убѣжденія, но и дѣломъ вѣры. Самодержавный Царь есть Ставленникъ и помазанникъ Божій. Власть Ему вручена отъ Бога, принята отъ Царскихъ предковъ и отъ всего русскаго народа, основана завѣтами древнихъ вѣковъ. Такъ вѣровали наши отцы, дѣды и прадѣды, такъ вѣровать научено живущее поколѣніе, такъ вѣровать учить оно дѣтей, внуковъ и правнуковъ. А потому лицамъ, идущимъ противъ царскаго Самодержавія, говорить и дѣйствовать отъ имени русскаго народа — не подобаешь. Идущихъ противъ Самодержавія народъ считаетъ людьми для себя чужими, готовящими Россіи разложеніе и конечную гибель. Русскій народъ никогда не допуститъ не только полнаго уничтоженія, но и умаленія Самодержавія. Если же обманнымъ путемъ это преступленіе противъ дѣйствительной воли русскаго народа совершится, то русскій народъ встанетъ, какъ одинъ, для возстановленія поправной народной вѣры.

Итакъ, астраханцы, будемъ еще болѣе твердо и крѣпко стоять за своего Государя, какъ за единственнаго вѣрнаго защитника. Клики кличъ Государь къ народу своему въ трудную минуту опасности для себя лично, для своей власти и для порядка — и народъ ничего не пожалѣетъ, ни имущества, ни жизни своей для защиты своего родного русскаго Царя. Царствуй Самодержавный, Царь Православный на славу Россіи! Да будетъ непоколебимъ Твой Царскій Тронъ! Съ нимъ благоденствіе Твоего русскаго народа!

По окончаніи сей рѣчи хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ было исполнено „Слався, слався, нашъ русскій Царь!“, послѣ чего на кафедрѣ вошелъ уважаемый всѣми почетный членъ монархической партіи присяжный повѣренный Л. В. Купріяновъ и произнесъ содержательную, глубокопатріотическую рѣчь, произведшую на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Громкое ура народа покрыло послѣднія слова его рѣчи, а оркестръ исполнилъ народный гимнъ. Послѣ этого хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ исполненъ былъ концертъ. Предсѣдатель партіи Н. Тихановичъ-Савицкій отъ лица всей партіи и участвующихъ въ торжествѣ принесъ благодарность Преосвященнѣйшему Владыкѣ Георгію за его всегда милостивое и неизмѣнно любовное отношеніе къ мо-

нархистамъ: Владыка преподалъ всѣмъ благословіе. Члены партіи просили передать глубокую благодарность и Владыкѣ—Арсенію за его внимательное и сердечное отношеніе къ монархистамъ, а также всѣмъ, почтившимъ праздниѣ своимъ присутствіемъ. Въ заключеніе пѣвчими еще разъ пропѣто было Слався и начался торжественный обратный крестный ходъ въ прежнемъ образцовомъ порядкѣ. Оркестръ исполнялъ народный гимнъ, а пѣвчіе пѣли Спаси, Господи, люди Твоя. Одна часть крестнаго хода съ св. иконами и хоругвями направилась въ соборъ, а другая съ оркестромъ направилась въ помещеніе монархической партіи на бульварѣ. На торжествѣ присутствовали военные и гражданскіе чины и многіе представители торгово-промышленнаго міра.

„Большовскій“ вечеръ въ залѣ Духовной Семинаріи 24 фѣвраля.

24 февраля минувшаго въ залѣ Астраханской Духовной Семинаріи состоялся литературно-вокально-музыкальный вечеръ памяти Алексѣя В. Кольцова. Духовой оркестръ семинаристовъ, подъ управленіемъ О. Оберенка открылъ вечеръ исполненіемъ народнаго гимна «Боже, Царя храни!» Далѣе воспитанникомъ IV кл. Никольскимъ А. прекрасно былъ прочитанъ обстоятельный рефератъ на тему «Кольцовъ и его поэзія», въ которомъ онъ познакомилъ слушателей съ незаурядною личностью великаго поэта и изложилъ кратко, но обстоятельно черты поэзіи Кольцова. Поэтъ и его поэзія обрисованы такъ ясно, что какъ будто онъ предсталъ предъ слушателями живой во всемъ своемъ величавомъ образѣ и во всемъ блескѣ своего поэтическаго таланта. По прочтеніи реферата смѣшанный хоръ воспитанниковъ семинаріи исполнилъ 300-лѣтнюю кантату муз. Д. А. Дроканова; въ управленіи хоромъ любезно принялъ участіе самъ авторъ—учитель пѣнія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ первое отдѣленіе программы вечера состояло изъ слѣдующихъ литературно-вокально-музыкальных №№: однородный хоръ воспитанниковъ семинаріи подъ управленіемъ учителя пѣнія свящ. В. Алайцева исполнилъ «Впередъ безъ страха и сомнѣнія», слова Плещеева, муз. Гроздова; воспитанникъ Н. Кочергинъ сыгралъ на фортепьяно «Пѣснь цвѣтовъ», муз. Лянге; ученикъ Ив. Великановъ сыгналъ «Осѣдлаю

кони», муз. Варламова, слова Кольцова; смѣшанный хоръ исполнилъ «Разскажи-ка, мужичекъ», муз. Д. Дроканова; духовой оркестръ подъ управленіемъ учителя Оберемка исполнилъ увертюру «Комикъ»; воспитанникъ В. Хитровъ прочиталъ стих. Кольцова «Косарь»; воспитанникъ П. Никотинъ исполнилъ solo «На зарѣ туманной юности», слова Кольцова, муз. Гурилева и смѣшанный хоръ пропѣлъ «Полонезъ» (Зеленый лугъ), муз. Архангельскаго. Во второй половинѣ вечера было исполнено: «Двѣ пѣсни», муз. Варламова духовымъ оркестромъ; «Доля бѣдняка», стих. Кольцова воспит. В. Машковымъ; «Хоръ охотниковъ» изъ оперы «Волшебный стрѣлокъ», муз. Вебера однороднымъ хоромъ воспитанниковъ подъ управленіемъ свящ. В. Алайцева; дуэтъ «Не шуми ты, рождь», слова Кольцова, муз. Гурилева исполненъ былъ воспит. И. Великановымъ и П. Никотинымъ; «Кузница въ лѣсу», муз. Михаэльса (разсвѣтъ, утро, у ручья, молитва, работа въ кузницѣ, наковальнѣ) исполнена была духовымъ оркестромъ; «Великое слово», стих. Кольцова, прочтено воспит. Ив. Троицкимъ; «Борода-ль моя бородушка» solo, муз. Бахметьева, исполнено воспит. К. Оаворскимъ; «Въ путь» (Мельникъ), муз. Шумана исполнено смѣшаннымъ хоромъ; «Ахъ ты поченька», муз. Глинки, перел. Соколова, тріо исполнено Ивановымъ (мальчикъ), Великановымъ и Никотинымъ; «Маршъ» и «Серенада», Шуберта исполнены оркестромъ балалаечниковъ-семинаристовъ и Гавотъ «Предъ нами чудный уголокъ», слова Пригожаго, муз. Цыбульки исполненъ смѣшаннымъ хоромъ. Акомпанировалъ всѣмъ пѣвцамъ плавно и звучно воспитанникъ П. Кочергинъ.—Въ исполненіи какъ хора, такъ и оркестра лучшаго требовать было нельзя, — воспитанники семинаріи показали свои лучшія литературныя, вокальныя и музыкальныя силы. Не смотря на то, что «просили не аплодировать», публика не выдержала своего удовольствія и многія вещи были исполнены хоромъ и оркестромъ сверхъ программы.

Кольцовскій вечеръ почтилъ своимъ присутствіемъ Преосвященнѣйшій Георгій, Епископъ Астраханскій, преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, г. секретарь консисторіи, много духовенства, купечества и любителей пѣнія и музыки. Были и воспитанницы епархіальнаго училища и ученики мужскаго училища. Владыка-Архипастырь остался вечеромъ очень доволенъ и благодарилъ воспитанниковъ за исполненіе и доставленное эстетическое удовольствіе.

Ив. Л.

Извѣстія и замѣтки.

Даросушительница Чернова и Милованова. — Именные образки для новокрещаемыхъ. Церковное епархіальное винодѣліе. — Юбилейный день Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.

Даросушительница А. Чернова и Д. Милованова. Впервые изобрѣтена въ 1906 году. Появленіе ея вызвало необходимостью устранить весьма существенные недостатки уставнаго просушиванія св. Даровъ, изложеннаго въ „Извѣстіи Учительномъ“. О трудности этого способа духовенству извѣстно, а также о недостаткахъ, окружающихъ святыню неблагоговѣйностью, такъ какъ этотъ способъ въ большинствѣ случаевъ не избавляетъ отъ прилипанія, отскабливанія, пригаранія, недосыханія и ихъ послѣдствій. Даросушительница Милованова удобнѣе и приличнѣе по отзыву священниковъ введенныхъ ея въ употребленіе. Производится засушиваніе частицъ невидимо для глазъ безъ участія священника, безъ копоти, пригара, опасности обугливанія. Въ бѣдныхъ сельскихъ храмахъ она кромѣ того можетъ служить и замѣнить Дарохранильницу, если на одной сторонѣ одѣлать изображеніе Тайной вечери, такъ какъ въ ней вполнѣ достаточно мѣста для храненія св. мѣра и запасныхъ 4—6 агнецвъ. Св. Синодъ 14 іюля 1906 г. призналъ съ своей стороны означенный приборъ вполнѣ пригоднымъ для просушиванія св. запасныхъ Даровъ, предоставивъ изобрѣтателю право обращаться съ ходатайствами о введеніи ея въ практику въ церквахъ къ епархіальнымъ архіереямъ. Подробныя объявленія о ней можно читать въ Церк. Вѣд. 1908 г. № 4 и 1909 г. № 5.

Съ своей стороны Преосвященный нашъ Архипастырь призналъ означенную Даросушительницу вполнѣ пригодной для употребленія въ церквахъ и нѣкоторыя церкви астраханской епархіи уже изъявили желаніе выписать ея чрезъ Астрах. Епарх. Складъ.

Именные образки для новорожденныхъ младенцевъ обоего пола, изд. типогр. Е. И. Фесенко въ Одессѣ. Означенная типографія свыше 25 лѣтъ занимается издательствомъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, а также иконъ и картинъ и работы ея неоднократно удостоивались Высочайшаго одобренія и лестнаго отзыва со стороны духовнаго начальства и органовъ духовной печати. Въ послѣднее время, идя на встрѣчу желанію съѣзда миссіонеровъ Херсонской епархіи.

она издала особые образки „имянные“ съ краткимъ описаніемъ житія изображеннаго святого на оборотной сторонѣ, для раздачи при совершеніи таинства крещенія новокрещеннымъ въ благословеніе. Изображенія отпечатаны на плотной бумагѣ, масляными красками, лакированы, наклеены на плотную папку и стоятъ по 5 коп. Появленіе ихъ встрѣтило сочувствіе со стороны Церк. Вѣдомостей (№ 10 — 1909 г.), Вѣстника Военнаго духовенства (№ 9), при чемъ съ особенною похвалою отзываются объ искусно составленныхъ краткихъ житіяхъ святыхъ. Означенные образки уже введены въ епархіяхъ Волынской, Кишиневской, Курской, С.-Петербургской, Херсонской, Одесской и среди военнаго духовенства. Весьма полезно ввести ихъ и въ нашей епархіи. Нашему Архипастырю желательно, чтобы духовенство пріобрѣтало и распространяло ихъ между прихожанами. Совѣтъ нашего Братства съ своей стороны испросилъ разрѣшеніе у Владыки пріобрѣсть 5000 экземпляровъ такихъ яконъ на первое время и разослать ихъ въ видѣ опыта по всѣмъ церквямъ епархіи съ просьбою къ духовенству распространять ихъ среди своихъ прихожанъ. Нужно надѣяться, что духовенство наше въ видахъ религіозно-нравственной пользы для народа приметъ на себя это дѣло.

Церковное епархіальное винодѣліе. Намъ сообщаютъ, что таврической преосвященный Алексій вошелъ въ Св. Синодъ съ представленіемъ о разрѣшеніи мѣстному епархіальному свѣчному заводу открыть свое винодѣліе для изготовленія церковнаго чистаго, требуемаго канонами вина изъ винограда, произрастающаго на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ мѣстныя церкви епархіи обязаны были брать для совершенія божественной литургіи и церковныхъ надобностей вино отъ епархіальнаго винодѣлія. Въсѣтъ съ тѣмъ епархіальное таврическое управление выражаетъ пожеланіе и надежду, что и церкви другихъ епархій будутъ обращаться въ таврическое епархіальное винодѣліе, чтобы получать подлинное церковное вино и избавить Божьи храмы отъ той безпощадной и безсовѣстной фальсификаціи, которая такъ распространена относительно церковнаго вина, продаваемаго на рынкахъ разными виноторговцами, среди которыхъ много евреевъ.

Инициатива таврическаго преосвященнаго заслуживаетъ живого сочувствія. Давно пора взяться епархіямъ за это дѣло. Чистота и соотвѣтствіе каноническимъ требованіямъ церковнаго вина важнѣе свѣчь;

на тѣ давно обращено вниманіе, а охрана святыни отъ фальсификаціи церковнаго вина—дѣло непочатое.

Юбилейный день училищнаго совѣта при Св. Синодѣ 19 янв. 19 янв. исполнилось двадцать пять лѣтъ дѣятельности юнѣйшаго центрального органа Святѣйшаго Синода—училищнаго при немъ Совѣта. Высокая и въ то же время трудная задача была возложена Св. Синодомъ 25 назадъ на этотъ новый центральный его органъ. Задача эта—просвѣщеніе русскаго народа чрезъ церковныя школы, воспитаніе подрастающихъ поколѣній въ духѣ и по завѣтамъ православной Церкви и въ любви и преданности Престолу и Отечеству. Сколько знаній, труда и вниманія потребовалось со стороны училищнаго Совѣта, чтобы организовать это великое просвѣтительное дѣло на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего государства. Для великой работы требовалось прежде всего подготовить такую же великую рать школьныхъ дѣятелей, устроить школьныя помѣщенія, изыскать на ихъ содержаніе средства, составить учебныя программы, подготовить учебныя пособія и книги, учредить на мѣстахъ церковно-школьныя органы управленія и приставить къ школамъ постоянныхъ руководителей и наблюдателей. И училищный Совѣтъ съ честью исполнилъ возложенное на него порученіе. Болѣе 40 тысячъ церковныхъ школъ раскинулись нынѣ въ разныхъ уголкахъ необъятной Россіи, внося свѣтъ, вѣру и знанія въ народную среду. Чтобы достигнуть того вышняго и внутренняго благосостоянія, какимъ церковныя школы отличаются нынѣ, сколько нужно было поработать надъ этимъ училищному Совѣту въ теченіе истекшихъ двадцати пяти лѣтъ. Тяжелую борьбу пришлось выдержать училищному Совѣту, особенно на первыхъ порахъ, за право существованія церковно-приходскихъ школъ и много выслушать несправедливыхъ и обидныхъ нареканій на свою дѣятельность и свои школы со стороны враговъ православнаго духовенства и его просвѣтительной дѣятельности. Въ благодарной памяти среди преданнѣйшихъ школьному дѣлу лицъ высшаго церковно-школьнаго управленія невольно воскресаютъ въ настоящій знаменательный день и заботы по насажденію и благоустроенію церковныхъ школъ высокаго покровителя и защитника церковныхъ школъ К. П. Побѣдоносцева и другихъ почившихъ церковно-школьныхъ дѣятелей.

Да будетъ имъ вѣчная память, Здравствующимъ же и нынѣ трудящимися въ Совѣтѣ—слава и благодарность отъ всѣхъ тѣхъ русскихъ православныхъ людей, которые такъ высоко цѣнятъ школьно-просвѣтительную дѣятельность православнаго духовенства

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

—официальная газета, общая для всѣхъ Министерствъ и Управленій, издаваемая по Высочайшему повелѣнію съ 1869 года при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, въ 1910 году будетъ выходить по прежнему ежене по, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными, по слѣдующей программѣ: Придворныя извѣстія и церемоніалы.—Отдѣлъ дѣйствій Правительства: Правительственныя сообщенія; Высочайшіе Манифесты; Именные Высочайшіе Указы и повелѣнія; договоры съ иностранными державами; Высочайшіе рескрипты, грамоты, награды и приказы; указы и опредѣленія Святейшаго Синода и Правительствующаго Сената; приказы по разнымъ вѣдомствамъ; распоряженія, объявляемыя Правительствующему Сенату Министрами и Управляющими Министерствами; циркуляры, положенія, правила, вѣдомости, расписанія, таксы и проч.—Отдѣлъ внутреннихъ: Извѣстія о Высочайшихъ Особахъ и столичная Свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати.—Извѣщенія.—Назвенныя и частныя объявленія. Сверхъ того, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ будутъ помѣщаться соо щенія изъ области общественной, экономической и умственной жизни въ Россіи и заграницей.

Подписная цѣна: внутри Имперіи: за годъ—12 р., на другіе сроки по 1 р. за мѣсяцъ; за границу: за годъ—18 р., на другіе сроки—по 1 р. 50 к. за мѣсяцъ. Цѣна отдѣльнаго номера (безъ пересылки)—5 к.

Подписка принимается на всѣ сроки, съ перваго числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса взимается: въ предѣлахъ Россіи и за границей—единовременно 1 р., а за границу—60 к. за мѣсяцъ.

Плата за объявленія взимается за занятое или мѣсто изъ разчета по 25 коп. со строчки мелкаго шрифта—печать—въ одномъ столбцѣ—за каждый разъ.—За разсылку при газетѣ постороннихъ приложений, плата взимается по $\frac{1}{2}$ коп. съ листа вѣса каждаго экземпляра.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

Главнаго Управленія по дѣламъ печати

въ 1910 году будетъ выходить по прежнему еженеѣдно по слѣдующей программѣ: I. а) Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи какъ на русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ; б) Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и т. д.; в) Предметный указатель, представляющій собою сводъ всего напечатанаго за недѣлю. II. Разныя извѣстія, касающіяся книгопечатанія и книжной торговли; частныя объявленія. III. 2 раза въ годъ: а) Указатель авторовъ за 6 мѣсяцевъ; б) Сводный предметный указатель за то же время; в) Руководящія статьи и еженеодно: Сводный годовою систематической указатель предметовъ. Кромѣ того, при „Книжной Лѣтописи“ будутъ печататься извѣстія о повременной печати.

Подписка принимается въ предѣлахъ одного года; на полугодія же съ 1-го января или съ 1-го іюля.

Подписная цѣна: внутри Имперіи: за годъ—6 р., за $\frac{1}{2}$ года—3 руб., за границу: за годъ—10 р., за $\frac{1}{2}$ года—5 р.; отдѣльный номеръ (безъ пересылки) 15 коп. Для библиотекъ и любителей изданіе печатается съ одной стороны; подписка только годовая—цѣна 9 р., за границу—14 р.; въ розницу не продается.

Указатели въ розницу также не продаются.

Плата за объявленія: 1 страница 15 р., $\frac{1}{2}$ страницы 8 р., $\frac{1}{4}$ страницы 4 р.

Подписна на оба изданія, а также на „Указатель статей, напечатанныхъ въ „Правит. Вѣстн.“ за 1909 г., цѣна которому 25 к. за экз. съ перес. и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи „Правительств. Вѣстника“ Фонтанка, 57, зданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Заявленія о исполученіи номеровъ этихъ изданій должны дѣлаться вслѣдъ за полученіемъ слѣдующаго номера, болѣе же позднія заявленія оставляются безъ послѣдствій.

Въ той же конторѣ съ 1-го января 1910 г. будутъ продаваться:

1) Полный алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, дозволеннымъ къ представленію безусловно, составл. по 1-е января 1904 года (цѣна 1 р., перес.—15 к.) и дополненія къ нему: а) составлен. по 1-е мая 1905 года (цѣна—15 коп., перес.—2 к.) и б) составл. по 1-е апрѣля 1908 г. (цѣна 40 коп., перес.—8 к.). 2) Полный алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, одобреннымъ къ представленію на сценѣ народныхъ театровъ, составл. по 1-е апрѣля 1908 г. (цѣна 30 к., перес.—6 к.) и 3) Алфавитный указатель книгамъ и брошюрамъ, арестъ на которыя утверждены судебными установленіями по 1-е января 1909 г. (цѣна 40 коп., перес.—4 коп.) и дополненія къ нему: а) 1-е, составл. по 1-е апрѣля 1909 года, б) 2-е, составл. по 1-е іюля 1909 года и в) 3-е, составл. по 1-е октября 1909 г. (цѣна каждому дополненію—5 к., перес.—2 коп.).

На высылку этихъ изданій подѣ заказной бандеролью прибавляется 7 коп.

Деньги до 60 копеекъ могутъ быть высланы и марками, но не иначе какъ гербовыми 5-ти копеечными, причеъ вообще деньги принимаются только за вышедшее въ свѣтъ изданіе; наложеннымъ платежомъ или въ кредитъ высылка изданія не допускается.

О выходѣ въ свѣтъ послѣдующихъ выпусковъ названныхъ изданій своевременно будутъ опубликовываться въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, съ указаніемъ цѣны и стоимости пересылки.

Въ Астраханскомъ Епархіальномъ Книжномъ Складѣ имѣются:

1) Брошюры Сухумскаго Драндтскаго монастыря, ц. 1 к. (Изъ повѣдей прот. І. Восторгова).

2) Слово жизни—миссіонерскіе листки—изданіе Миссіонерскаго С.-Петербургскаго Совѣта (отзывъ въ № 22 Астр. Еп. В.).

3) Въ вѣрѣ-ли вы? Прот. Іустина Ольшевскаго. (Отзывъ см. Астр. Еп. В. № 19).

4) Прот. Вл. Успенскаго. Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній съ переводомъ на русскій яз. Одобренъ Законоучительскимъ Съездомъ. Пригоденъ для обученія общему пѣнію, 50 к. (См. отзывъ № 22 А. Еп. Вѣд.).

5) Краткій Молитвенникъ церковныхъ пѣснопѣній для обученія народа общему пѣнію, ц. 3 к. (Ibid).

6) Для борьбы съ пьянствомъ: Изд. С.П.В. Александро-Невскаго Общества трезвости и Д. Г. Булгаковскаго. (Отзывъ см. въ № 22 Астрах. Еп. Вѣд.).

Содержаніе отдѣла официальнаго: Епархіальныя извѣстія.

Содержаніе отдѣла неофициальнаго: Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій (окончаніе).—Въ защиту церковно-славянскаго языка (продолженіе).—Изъ дневника молодого священника.—Сорокалѣтній юбилей начальницы Астраханскаго Епархіальнаго женскаго училища, Александры Ивановны Ивановой.—Праздникъ Самодержавія въ Астраханской Епархіальной Библіотекѣ 21 февраля.—„Кольцовскій“ вечеръ въ залѣ Астраханской Духовной Семинаріи 24 февраля.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Редакторъ *Иванъ Лятницкій.*

Печатать дозволяется. Цензоръ, Протоіерей Николай Пальмовъ.

Паровая Губернская Типографія.